

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

А.В. Тетенькин

Иркутский государственный технический университет, г.Иркутск, Россия
E-mail: tetenkin@sibarchcenter.ru

ЭЛИТЫ, ЗЕМЛЯНКИ И МОГИЛЫ. В ПОИСКАХ ПОНИМАНИЯ ПЕРСПЕКТИВ

I. Введение

Уже более десяти лет существует Байкальский археологический проект - организованное сотрудничество российских и западных археологов в области исследования культур Прибайкалья эпох неолита и бронзового века. Лидером проекта и его инициатором стал доктор Анджей Вебер, профессор университета Альберта г.Эдмонтон, Канада. Однако было бы не верным в этом случае говорить только о российско-канадском сотрудничестве. А. Веберу удалось привлечь в проект широкий спектр ученых, работающих не только в университете Альберта, и не только в Канаде, но и в США, Великобритании. В этом смысле, действительно состоялось сотрудничество с западными исследователями. С российской стороны в проекте не только иркутские археологи, в частности, основные специалисты в данной области О.И. Горюнова и В.И. Базалийский, но и ряд ученых из научных центров Москвы, Новосибирска, Читы. Спектр специалистов в проекте не менее широк: беглое упоминание коснется не только «прямых» археологов, но и этнологов и этноархеологов, зооархеологов, людей, занимающихся теоретической археологией, экологов, почвоведов, генетиков и многих других. Ознакомиться с текущим составом участников проекта можно на сайте <http://www.baikal.arts.ualberta.ca>.

За эти годы были практически полностью раскопаны некрополи Хужир-Нугэ XIV, Курма XI, докапывается могильник Шаманка II, изучению различными методами подверглись многие другие могильники, включая Локомотив и Усть-Иду. Состоялись этнографические и этноархеологические экспедиции к эвенкам Северо-Западного Забайкалья. Начаты работы по изучению генетики, стабильных изотопов и многие другие. Одним из обязательных условий стало тотальное радиоуглеродное датирование культурных комплексов. Для целого ряда специалистов в Канаде матери-

алы Прибайкальской археологии послужили основой для написания докторских и магистерских работ (McKenzie, 2006; Metcalf, 2006; Lieverse, 2005; Robertson, 2006). По результатам первого этапа исследований издана коллективная монография (Prehistoric foragers..., 2003), опубликованы статьи в ведущих российских и мировых научных журналах: «Археология, этнография и антропология Евразии» (Вебер, Линк, 2001), "Journal of Archaeological Science", "Journal of Anthropological Archaeology", "Journal of World Prehistory" (Weber, 1995; Weber, Link, 1998; Weber et al., 2002; Weber et al., 2005).

Одно из главных значений проекта для российской стороны состоит в том, что изучение памятников, рассматриваемое как вклад в сохранение российского, байкальского культурного наследия, было выведено на уровень передовых в мире методов. Уникальным для российской и сибирской археологии стал столь плотный и долгосрочный прецедент сотрудничества и обмена опытом в самом широком спектре научного познания. Сама ситуация столкновения, или, вернее сказать, сопряжения принятых в российской и западной археологии подходов неизбежно привела к рефлексии теоретического, методического, организационного и других планов. Втягивание все большего числа специалистов по обе стороны проекта и границы делает процесс научного сотрудничества необратимым. Речь идет, по сути, о расширении интересов собранного А. Вебером сообщества и выходе за рамки «археологии могильников», с которой проект был начат.

Таков нынешний контекст. Одним из условий дальнейшего развития «Проекта» является рефлексия движения искусственно организованного коллективного мышления. Многократный выход в позицию «самоосмотра», т.е. рефлексии, должен быть обязательным, если есть положительная воля участников к сотрудничеству в научном поз-

нании. Повод для выхода в такую позицию может быть, очевидно, различным. Но в любом случае рефлексия должна иметь целью анализ, нормирование понимания и мышления как условия для дальнейшего общего развития (Щедровицкий, 2005: 341-390). В данном случае мною было предпринято, «спровоцированное» А. Вебером, знакомство с археологией Северо-Запада Северной Америки как исходный пункт для осмысления взаимоотношений западной (американо-канадской) археологии, археологии Байкальского Проекта и российской, иркутской археологии. Как представляется сейчас, «оглядывание по сторонам» должно включать в себя ряд аспектов: 1) аспект поиска и рассмотрения объяснительных моделей и гипотез, 2) методолого-эпистемологический аспект построения археологического знания, верификации моделей и т.д., 3) конкретный опыт, приемы, шаблоны, стереотипы, алгоритмы исследовательских, интерпретационных процедур, 4) оценка условий ассимиляции научного опыта, 5) аспект организации научной деятельности.

II. Археология Северо-Запада Северной Америки

Речь пойдет об археологии голоцена Северо-Западного Плато и побережья, примерно, пополам разделенного канадско-американской границей. Около 2500 лет назад там сформировались сложные общества на базе специализированного на нерестовом лососе рыболовства. Именно сложный, т.е. развитый до уровня иерархизированной системы социального неравенства, характер общества охотников-рыболовов-собирателей, ведущих полуседлый образ жизни в больших поселениях, послужил источником для поиска аналогий с обществами / культурами китойской и глазковской. Социальная сложность последних постулировалась еще А.П. Окладниковым, а ныне была подхвачена А. Вебером в его модели истории обществ охотников-собирателей неолита - раннего бронзового века Прибайкалья (Окладников, 1950; Weber, 1995). Для меня же, в данном случае, интерес заключался не только в поиске данных конкретных аналогий, но шире: в самих принципах построения региональных культурно-хронологических схем, критериях верификации рабочих гипотез, методах работы с конкретным материалом, характере ставящихся

задач. Конечно, сложившиеся в итоге представления являются впечатлениями, появившимися "на первый взгляд", но они имеют смысл хотя бы потому, что на их фоне рельефно проступает и логика научной деятельности наших канадских коллег по проекту, и "светлые" и "темные" стороны нашего, иркутского неолито- и бронзоведения.

С точки зрения географии регион рассматривается как состоящий из двух отдельных областей - побережья и внутренней части - Северо-Западного Плато, объединенных единой речной системой бассейнов рек Фрезер (Канадская часть) и Коламбия (Американская часть). Важнейшей отличительной чертой Северо-Западного региона является нерестовый ход лосося в верх по рекам. Фрезер является самой продуктивной лососевой рекой в мире, в которую заходят все пять видов тихоокеанского лосося, равно как и другие виды рыб. В 1913 году оценивали около 100 миллионов единиц рыб, сегодня лососевый пик доходит до 20 миллионов особей рыб (Lepofsky et al., 2005).

Аборигенным населением региона северо-западного плато-и-побережья к приходу европейцев являлись индейцы Salishan и Wakashan-говорящих групп. Salish'n, в частности, разделяются на побережных и внутренних, континентальных (interior). В непосредственном соседстве с ними территорию канадской провинции Британская Колумбия населяют индейцы групп Nootka, Kwakiutl, Bella Coola, Atabaskan, Tsimishian, Haida, Tlingit (Carlson, 1996). Роль этнографических знаний в археологии Северо-Западного побережья-и-плато велика: вслед за современными Salisha'aMN и другими этносами археологи также рассматривают носителей ископаемых культур как прямых предков местных аборигенов именно в терминах этносов и языковых групп. Так, по крайней мере, появление на территории Британской Колумбии (самой западной провинции Канады) первых культур (Microblade Tradition, Fluted Point Tradition, Piano Traditon, Pebble Tool Tradition, Intermontane Stemmed Point Tradition) уже связывается (Carlson, 1996) с современными языковыми группами индейцев. Такая модель характеризуется как культурно-историческая.

Встреченные эмигрантами из Европы индейцы именно вели специализированное на лососевых рыбах хозяйство, имели оседлый или полуседлый образ жизни, социально-ранжированное, вплоть до рабства, общество. Эти знания

напрямую послужили аналогиями и основой для реконструкции обществ побережья и бассейнов рек Фрезер и Коламбия (плато) в позднем голоцене. В частности, встреченные Ф. Боасом и другими (Losey, 2005) большие прямоугольные дома, в которых проживало сразу несколько семей, дали основание считать, что ископаемые остатки землянок-жилищ диаметром до 20 м принадлежат многосемейным домам.

Основная археологическая категория, употребляемая исследователями на уровне интерпретационных построений - "культурная традиция". Например, "Традиция Галечных Орудий". Она шире, чем понятие "техническая традиция". Если техническая традиция отражает распространение технологии, например, галечных орудий, во времени и пространстве (Carlson 1996a: 6), то "культурная традиция, например, Традиция Галечных Орудий, отражает не только технику, но и с ней связанные экономику, средства существования (subsistence), системы верований, социальные взаимосвязи и др. Технологические традиции могут играть роль базиса культурных традиций, но в отличие от первых вторые часто предполагают этническую гомогенность их носителей" (Carlson, 1996a: 6-7) (курсив мой - А.Т.). «Фаза» понимается как единица культурного содержания, например, Магpole фаза, «которая выявлена на ограниченной территории, такой как группа островов или долина реки, оккупированная в короткий период» (Carlson, 1996a: 7). Термин «комплекс» иногда употребляется для выражения только техниче-

ского содержания, иногда является синонимом фазы (Carlson, 1996a: 6-7).

И побережье, и плато имеют собственные культурно-исторические схемы, хотя повсеместно признается важнейшая роль взаимовлияния обеих областей.

Ранняя история заселения региона рассматривается как появление из разных источников, начиная с 11000 лет назад, пяти археологических традиций (Микропластинчатая традиция, традиция желобчатых наконечников, традиция галечных орудий, традиция Плато, традиция Интермонтан черешковых наконечников) (Carlson 1996). В частности, микропластинчатая техника распространяется по побережью с Аляски в раннем голоцене. Происходит взаимопроникновение традиций. Ряд языковых индейских групп напрямую связывается с названными традициями (например, Salishan и Wakashan-говорящие люди с Традицией галечных орудий, первой широко представленной культурной традицией Британской Колумбии). В другом ряде случаев, Tsimishian, в частности, представляют собой "амальгаму" различных по происхождению культур. Следует отметить однако, что есть и другая точка зрения, скептически относящаяся к возможности увязки ранних культур с языковыми семьями (Ames, Mascher, 1999).

Памятники первой половины голоцена довольно скудны. Кислые почвы плато в большинстве случаев не оставляют археологам органических остатков. Объекты, найденные на побережье,

Таблица 1.

Культурно-хронологические схемы для различных частей северо-западного региона Северной Америки

Культурная хронология для района долины р.Фрезер и залива Джорджия (побережье) (Lepofsky et al, 2000)	Культурная хронология для района бассейнов Среднего Фрезера и р.Томпсон (Stryd, Rousseau, 1996; Rousseau, 2004)		Культурная хронология для Колумбийского плато (Andrefsky, 2004)
<p>Фазы:</p> <p>Историческая - 250 л.н. - наши дни</p> <p>Поздняя - 1500-200 л.н.</p> <p>Магpole - 2400-1500 л.н.</p> <p>Locarno - 3500-2400 л.н.</p> <p>Культура Charles - 4500-3500 л.н.</p> <p>Культура Old Cordilleran - 9000-4500 л.н.</p>	<p>Горизонт Kamloops - 1200-200 л.н.</p> <p>Горизонт Plateau - 2400-1200 л.н.</p> <p>Горизонт Shuswap - 3500-2400 л.н.</p> <p>Фаза Lochnore - 5000-3500 л.н.</p> <p>Фаза Lehman - 6000-4500 л.н.</p> <p>Ранний Nesikep - 7000-6000 л.н.</p>	<p>Традиция Plateau Pithouse</p>	<p>Периоды:</p> <p>Поздний архаический - 2000-280 л.н.</p> <p>Средний архаический - 5000-2000 л.н.</p> <p>Ранний архаический - 8000-5000 л.н.</p> <p>Палеоархаический - 1100и-8000л.н.</p>
		<p>Традиция Nesikep</p>	

Таблица 2.

такие как *Namu* (Carlson, 1996), находятся в несколько лучшем положении, поскольку отложения раковинных куч позволяют сохраняться также и костным остаткам. Орудийный набор не слишком выразителен. В основе культурно-типологических построений лежит типология наконечников: *кловис*, *фолсом* - желобчатые (*fluted*), черешковые - *плано*, *интермонтан* и др., листовидные (Традиция галечных орудий). Даже микропластинчатая традиция (техника) противопоставлена другим на тех же основаниях: она представляет собой иной, специфичный тип составного наконечника. Сказать что-либо в отношении маломощных пятен находок сложно. Как правило, речь идет о мобильных группах охотников-собирателей, оставляющих после себя кратковременные охотничьи лагеря и несколько менее кратковременные резидентные стоянки (Rousseau, 2004; Stryd and Rousseau, 1996).

Большую роль в интерпретации-понимании хозяйства древних охотников-собирателей сыграла введенная Л. Бинфордом антиномия понятий «фуражиры» - «коллекторы» (Binford, 1980).

Коллективы «фуражиров» более мобильны, чем вторые, их передвижение подчинено принципу движения всей группы за пищевыми ресурсами. «Коллекторы», напротив, имеют некие более продолжительные, возможно сезонные, или полуседлые базовые резиденции, из которых ведется эксплуатация ресурсов малыми охотничьими партиями или экспедициями. В основе их передвижения заложена, стало быть, некая логистика минимизации затрат на добычу. Хотя в ряде работ (например, McKenzie, 2003) указывается, что в зависимости от ситуации одни и те же коллективы могут проявлять оба типа стратегии (поведения), все же предполагается, что «фуражиры» являются исторически более ранним типом поведения. В частности, ранние охотники-собиратели *Nesiker*-традиции (7000-4500 л.н.) объявлены именно мобильными «фуражирами».

Различие в мобильности «фуражиров» и «коллекторов» следствием своим имеет и отличия в орудийном наборе ансамблей обоих типов (Prentiss and Kuijt, 2004). В частности, ансамбли кратковременных стоянок «фуражиров» характе-

ризируются экономным расходом каменного сырья и орудий, акцентом на многоразовых и многофункциональных орудиях, которые именно в связи с предполагаемой продолжительностью использования имеют тщательно проработанные формы (например, бифасы, наконечники - *curated tools*).

Резидентные (базовые, продолжительные) стоянки «коллекторов», напротив, характеризуются экстенсивным характером эксплуатации каменного сырья, значительной долей одноразовых орудий из отщепов с минимальной обработкой рабочего края, или без таковой вовсе (*expedient flake tools*).

Следует отметить, что во внутренней части плато микропластинчатая индустрия бытует в пределах 8500-3500 л.н. Эта техника интерпретируется как характерная для мобильного охотничьего хозяйства (Rousseau 2004). Ее исчезновение совпадает с развитием специализированных на ловле лосося трансэгалитарных полуседлых обществ «коллекторов».

Примерно, около 4500 л.н. на побережье и во внутренней части плато появляются жилища-землянки (*pithouses*). Ранние такие стоянки, например, *Baker Site*, насчитывают небольшое - до 3-10 - количество землянок. Их появление связывается с похолоданием, наступившим около 5000 л.н. С этого времени открывается новая страница в истории региона: становление сложных (трансэгалитарных, иерархированных) обществ со специализированной экономикой, долговременными поселениями. Эта тематика получила значительно большее внимание археологов. Опубликовано внушительное количество исследований, касающихся самых разных аспектов: от теоретических, до отдельных, прикладных.

В целом, появление долговременных поселений с землянками-жилищами связывают как раз с появлением и началом эксплуатации в среднем - позднем голоцене такого обильного и предсказуемого ресурса как нерестовый лосось. Есть две гипотезы перехода к сложному обществу охотников-собирателей / коллекторов на плато: 1) автохтонное развитие местных обществ; 2) проникновение во внутренние районы плато охотничьих групп с побережья и появление там сперва единичных, кратковременных поселений с землянками, а затем вслед за постоянным заходом лососевых в среднее и верхнее течение рек

Фрезер и Коламбия и их притоков, расселение людей, пришедших с побережья.

Примерно около 4000 л.н. начинается позднеголоценовый климатический минимум, вслед за которым исследователи выделяют hiatus в обитании людей в пределах плато / использовании землянок: в долине среднего Фрезера - 3700-3400 л.н. (Rosseau, 2004), 3900-3500 л.н. в Колумбийской части плато, бассейне реки Коламбия в среднем ее течении (Andrefsky, 2004), 4199-3800 л.н. в бассейне в верхнего течения р.Коламбия (Goodale et al., 2004). Этот hiatus разделяет, в общем случае, периоды *Pithouse I* и *II*, с присущими каждому стратегиями «фуражиров» и «коллекторов» соответственно. После hiatusа наступает расцвет обществ, пик которого приходится на 2400-1200 л.н., горизонт *Plateau* на плато, фаза *Margpole* на побережье. После чего речь уже идет о некотором сокращении населения, либо сокращении плотности поселений. К приходу европейцев в 18 веке столь характерные землянки выходят из обихода индейцев. Вместо них появляются прямоугольные длинные жилища наземные на плато (Andrefsky, 2004) и частично вкопанные на побережье (последние: Losey, 2005).

Такова общая хронологическая канва истории развития сложных обществ с землянками. Обратимся теперь к теоретическим представлениям о механизме развития сложных обществ региона. Которые изучались в этой связи как целенаправленно, так и взяты во внимание в ряде общих этнолого-социологических исследований, посвященных типологии / эволюции доклассовых и догосударственных обществ (Hayden, 1995; Carson, 1996; Price, Brown, 1985; Hayden, Eldridge et al., 1985; Clarke, Blake, 1985).

Исследователи расходятся во мнении, что стало первичным «триггером», толчком к возникновению иерархированных обществ Северо-Западного побережья / плато: экологические причины, в первую очередь, появление лосося в реках (Prentiss, 2005), либо технологические и социальные, такие как распространение технологий хранения продуктов, организация коллективного труда (Hayden, 2005). Так или иначе, в числе важнейших причин называется именно специализация населения на ловле предсказуемого и обильного лосося, заходящего на нерест в реки Коламбия и Фрезер. Такая специализированная экономика возможна была при условии

оседлого или полuosедлого образа жизни, концентрации населения в поселках, организации коллективного труда. Ловля нерестового лосося носит сезонный характер. Отсюда, необходимым условием для успешной экономики являются технологии сохранения улова, «урожая» (harvest) и «отложенного потребления» (Testart, 1982). Вторым важнейшим условием социальной модификации является наличие прибавочного продукта, излишков (surplus), преодоление критического порога жизнеобеспечения. Ниже этого порога «генерализованные, общие охотники собиратели подавляют экономическое соперничество за ресурсами, поскольку соперничество деструктивно на основе их ограниченной ресурсной базы и приводит к уменьшению шансов к выживанию» (Hayden, 1995: 24). Количество доступных ресурсов напрямую коррелирует с плотностью населения: чем беднее территория пищевыми ресурсами, тем меньшая на ней плотность населения (Hayden, 1995; Jochim, 1981). «Среди охотников-собирателей плотность населения менее, чем 0,1 чел. на 1 км2 ассоциируется с эгалитарным поведением и этикой» (Hayden, 1995: 26). В послепо-роговых, «благополучных» условиях в обществе выделяются лидеры, составляющие элиту, возглавляющие родовые кланы, линиджи, берущие в свои руки контроль за ресурсами, коллективным трудом, торговлей, войной. Первоначально, действия их публично мотивированы общностью интересов, но, несомненно, что лидеры используют свои возможности также и для увеличения собственных престижа, власти, богатства. Одним из путей роста влияния лидеров называют пиры,

которые собирают в себе целый ряд функций. Они необходимы как процедура распределения пищевых ресурсов, как средство проявления солидарности членов общества. Лидеры, возглавляющие пиры, выполняют также в ряде случаев функции управления религиозными практиками. В ряде случаев пиры тесно связаны с брачными отношениями, которые лидеры также пытаются контролировать с той же целью обеспечения с помощью брачных связей престижа, власти, богатства. Но одна из самых ярких черт пиров-потлачей - это прямая поддержка авторитета лидера через асимметрию отношений, устанавливаемых между раздающим - берущими (Hayden, 1995; Hayden et al., 1985; Price, Brown, 1985; Carlson, 1996). Такие лидеры (aggrandizers) являются главами так называемых корпоративных групп, связанных внутри кровно-родственными/брачными отношениями. Эти корпоративные группы выражают поддержку своему главе, являются первыми его сторонниками и подручными в деле контроля и эксплуатации ресурсов. Они получают и лучшую долю в раздаче лидером предметов престижа, «урожая» ресурсов. В материальной культуре такие корпоративные группы маркированы экстремально большими домами-землянками (ямы-землянки - до 20 метров в диаметре). В своей работе «Путь к власти» Брайан Хайден (Hayden 1995) пишет также о появлении отношений владения частного и корпоративного, главным образом, на источники ресурсов (resource owing) и о появлении конкуренции, соперничества (competition) в борьбе за власть, авторитет и богатство.

Таблица 3. Археологические последствия трансэгалитарных лидерских стратегий (по: Hayden, 1995: 76)

Стратегии	Археологические манифестации
Провоцированная война Брачное приданное Детское приданное Инвестиционный обмен Культы предков и другие Реципрокные и состязательные пиры	Фортификации Травмы и насильственная смерть Вооружение Основанные на прибавочном продукте корпоративные резидентные группы Богатые женские погребения Женские культовые статуэтки Богатые детские погребения Региональный обмен Большое число престижных вещей Ремесленная специализация Гробницы и публичная ритуальная архитектура Погребальные гробницы (shrines) Связанные с пирами черты и структуры Домашние животные и с/х культуры (Domesticates) Престижные пищевые сосуды

Еще одним источником власти является торговля, которая позволяет увеличивать авторитет в терминах предметов престижа, накопления богатства, контроля над импортом необходимых ресурсов. В результате складывается региональная сеть взаимоотношений между обществами первой и второй очереди к локализованным источникам ресурсов: лосося, нефрита, обсидиана и др. Возникает территориальная иерархия обществ / поселений (например: Hayden et al., 1985). Торговля, поддержанная брачными отношениями, способствует интеграции элит, выраженной в повсеместном в регионе проявлении однотипных предметов престижа (Hayden, Schulting, 1997). С другой стороны, торговля является антитезой вооруженным конфликтам, когда вступление в отношения реципрокного обмена обходится дешевле и эффективнее, чем защита ресурсов и урожая от остро нуждающихся в них соседей (Lepofsky et al., 2005). В то же время, очевидно, что такая борьба периодически случалась (особенно после появления лука и стрел 2400-2100 л.н.), что способствовало усилению власти лидеров, появлению фортификационных сооружений (например, говорят о сооружении поселений на островах, в каньонах, на вершинах) и появлении зависимого населения (Chatters, 2004; Carlson, 1996).

В ряде случаев возможна провокация войны со стороны лидеров с целью использования ее в собственных целях (Hayden, 1995). Складывается трехслойная (элита, свободные, рабы) или четырехслойная (вожди, их родственники, свободные, рабы) структура социума. Выделение элиты и вождей / лидеров маркируется появлением элитных погребений. При этом основным критерием «статусное™» покойного считается сумма усилий, затраченных на организацию могилы, поминок, сумма и ценность погребальных сопроводительных вещей.

Хайден (1996) расчленяет этот процесс стратификации на три этапа, представленных последовательно ролями «деспотов» (Despot), «реципрокаторов», (Reciprocator) и «антрепренеров» (Entrepreneur). Основными корреляторами послужили как раз индейцы Северо-Западного региона Северной Америки и аборигены Папуа - Новой Гвинеи. Динамика социальной эволюции первых показана фазами в археологии региона. Во втором случае показано, что разные стадии социальной стратификации представляют собой

горные и береговые общества папуасов. Кроме них, например: «мезолитические и неолитические типы обществ с определенно выраженными свидетельствами конфликта и ограниченным количеством престижных вещей являются лучшими кандидатами на этот тип (Despot Communities) общественной организации» (Hayden 1996: 41). В числе возможных примеров этого типа обществ указываются даже некоторые «верхнепалеолитические группы».

В целом, для этого типа обществ Хайденом употребляется термин «трансэгалитарные общества», введенный Кларком и Блэйком (Hayden, 1995: 18) - неэгалитарные - политически нестратифицированные общества с относительно фиксированными классами, складывающимися у простых земледельцев и сложных (complex) охотников-собирателей. Кроме этих дефиниций широко употребляемым в литературе является различие «простые (generalized) охотники-собиратели versus сложные (complex) охотники-собиратели и простые земледельцы». Последним, как раз и присущи социальное неравенство, сохраняемый урожай и прибавочный продукт, высокая степень оседлости и плотности населения.

Рассмотрим теперь, каковы же принятые исследователями пути и методы выявления в археологическом материале свидетельств трансэгалитарного общества, различных его сторон.

Одна из популярных тем - изучение жилищ-землянок (Losey, 2005; Prentiss et al., 2005; Hayden, 2005; Prentiss et al., 2003; Lepofsky et al., 2000; Kuijt, Prentiss, 2004; Hayden, Adams, 2004). Большое внимание уделяется микростратиграфии жилищных структур, тотальному радиоуглеродному датированию в задаче оценки продолжительности существования жилища, поиска свидетельств его перестройки, расширения. В дискуссии на страницах журнала «American Antiquity» Брайан Хайден ставит на вид, например, своим оппонентам, что полученных 25 радиоуглеродных дат по одному (!) жилищу на стоянке Keatley Creek мало для аргументации (Hayden, 2005). Как я уже выше упоминал, основная интерпретация землянок больших диаметров как жилищ, принадлежащих нескольким семьям - корпоративным группам, исходит из теоретических и этнографических представлений. Существуют также представления, что некоторые землянки могли служить в роли коптилен-хранилищ лососевых

запасов (smoking house). В этом ключе композиции из большой землянки в окружении малых и большого поселения (до 200 землянок: Rousseau, 2004) в окружении нескольких малых поселений, состоящих из немногих землянок малых форм, трактуются как свидетельства иерархии социальных отношений (Lepofsky et al, 2000). Аргументами в пользу принадлежности землянок элите, лицам высокого статуса служат найденные в них предметы престижа, торгового импорта, неординарные пищевые отбросы. Последние, например, могут быть остатками костей оленя. Охота в обществе, специализированном на ловле лосося, рассматривается как мужское занятие, играющее необходимую роль не просто в разнообразии пищевого рациона, но в разнообразии рациона, прежде всего, элиты и корпоративных групп и, прежде всего, в ритуальных совместных (коммунальных) практиках (Hayden, Adams, 2004). В другом случае реконструкции высокого статуса обитателей землянки на стоянке Ozette на побережье бралось во внимание несколько обстоятельств: 1) большой размер, 2) более чистый пол, как свидетельство уборки, 3) пищевые остатки лосося и китового мяса, как наиболее «чистой» и престижной пищи, 4) декорированные раковины в северо-восточном углу (Ames, Maschner, 1999: 166). На стоянке Meyer (Орегон) К. Эймс определяет остатки жилищ в северной части поселения как принадлежавшие людям, наделенным высоким статусом (Ames, Maschner, 1999: 167).

Большую роль играют исследования, посвященные межрегиональным обменным (торговым) связям (Blake, 2004; Burley, 1980; Hayden, Schulting, 1997; Schulting, 1995). Основная идея состоит в том, что социальная элита контролировала внешний обмен, удовлетворявший потребности общества в целом и элиты в частности в ряде удаленных ресурсов - меди, нефрите, графите, галените, обсидиане, в предметах престижа - раковинных бусах и подвесках, нефритовых дисках, теслах, подвесках, гребнях, декорированных игральными и ритуальными костях, курительных трубках и др. Считается, что эту же сферу деятельности обслуживали и появившиеся теперь мастера, специализированные на изготовлении определенного ряда престижных вещей. В проведенном в работе Б. Хайдена и Р. Шультинга (Hayden, Schulting, 1997) исследовании показано, что, во-первых, наибольшее число предметов престижного им-

порта сосредоточено на памятниках в местностях среднего течения рек Коламбия (Dalles) и Фрезер (Lillooet-Lytton), самых богатых рыбой. Следовательно, населявшие их группы были наиболее развиты во всех отношениях: жизнеобеспечения, плотности и числа населения, сложности социальных структур. Во-вторых, было показано, что элита разделяла, в целом, общий региональный уровень «элитарной» культуры или суперкультуры, если понимать под этим уровень, стоящий над локальными обществами.

Большой интерес для нас представляют работы, показывающие социальное неравенство в материалах погребений. В археологии Северо-Западного побережья-и-плато нет такого разрыва между погребальной и поселенческой археологией, какой мы имеем в Прибайкалье. В частности, принадлежность могильников и стоянок одной культуре / обществу не вызывает сомнений в целом ряде случаев, когда погребения были выявлены прямо на стояночных структурах, например, стоянки Scowlitz Site (Lepofsky et al., 2000) и Somenos Creek (Douglas, 2003). Все погребения канадского плато, принадлежащие горизонту Shuswap (4000/3500 - 2400 л.н.) были найдены в землянках (Schulting, 1995: 180). Детальные хронологические исследования, проведенные на Scowlitz Site и Somenos Creek, показали, что первые могилы появились, когда поселения уже не функционировали. В обоих случаях предлагается интерпретация превращения бывших поселений в могильники с целью выражения связи нынешнего населения с предшествующим как с предками, маркирования, таким образом, своих прав на территорию и сосредоточенные на ней ресурсы (так называемая, 8-я гипотеза Сакса (Douglas, 2003: 163)). Отметим здесь попутно, что эту же идею использовал в своей работе исследовавший серовские и, главным образом, глазковские могильники Малого Моря Хью Макензи (McKenzie, 2006).

Усложнение общественных отношений на побережье и плато тем более заметно, что до 1500 л.н. погребения не содержали погребального инвентаря (Schulting, 1995: 180). Погребальной вариативности Северо-Западного (Фрезер-Колумбийского) плато посвящена монография Рика Шультинга (Schulting, 1995). В ней дан подробный расклад теоретического подхода и конкретных путей аргументации. В основу положено про-

цессуалистское представление об изоморфности могильников системе социальных связей в обществе, разрабатывавшееся Бинфордом (Binford 1971), Саксом (Sax 1970, 1971), О'Ши (O'Shea, 1984), Чарльзом и Буикстра (Charles, Buikstra, 1983) и другими. Речь идет о том, что если есть социальное неравенство в обществе, оно обязательно будет проявлено в погребальной практике. Во-первых, это будет проявлено в «стоимости» погребения - количестве труда, затраченного на сооружение могилы, суммы ценных, престижных вещей, положенных вместе с похороненным. Такое понимание возводится от представления Спенсером ценности вещей, измеряемой количеством труда, затраченного на изготовление и обладание ими (Schulting, 1995: 34). Так, например, поскольку трупосожжение частичное или полное требует больше усилий, чем простые захоронения без оно, первые рассматриваются как захоронения людей с высоким статусом. Этот довод был использован Х.Макензи (2006) как один из аргументов в интерпретации погребений Хужир-Нугэ XIV. В этом же ряду стоят перезахоронение и глубина могильной ямы как индикаторы статуса.

Во-вторых, социальная стратификация должна быть проявлена территориально: либо лица, обладающие более высоким статусом, будут похоронены особняком на общем кладбище (как считает Х. Макензи, это ситуация с Хужир-Нугэ XIV), либо это вообще будут отдельные элитные могильники (по Х. Макензи, это Курма XI, Шаманский Мыс).

В-третьих, «формальные» (т.е. с многократно выраженным стереотипом погребальной практики) могильники репрезентируют развитое общество охотников-собирателей / земледельцев с полу- оседлым образом жизни, логистической стратегией мобильности. Сам факт наличия такого кладбища выражает претензию элиты / общества на данную территорию и ее ресурсы.

Обзор вещей также ведется в терминах престижа: чем выше социальный статус погребенного, тем больше должно быть сопроводительных вещей и, или тем дороже они должны быть (изделия из металлов, импортных материалов, украшения и пр.). Шультинг развивает Бинфордовскую классификацию вещей на «техномические» (т.е. утилитарные) и «социотехнические» (включая сюда Бинфордовские «идеотехнические»), отра-

жающие экономическую, политическую и другие сферы. Высококатусные погребения должны отличаться от прочих именно высоким содержанием «социотехнических» артефактов.

Обсуждается, каким образом, могут быть различены достигнутый и унаследованный (приписанный) статусы. В эгалитарном обществе статус может меняться (достигаться) с переходом в другой возраст, варьировать в связи с полом. В иерархизированном обществе высокий статус предписан, это может быть выражено в богатых детских погребениях.

Сама попытка выявить в погребениях плато социальную дифференциацию на основе данного набора аргументов, с использованием методов математической статистики ожидаемого результата не дала, т.е., по сути, оказалась безуспешной. В том числе по причине отсутствия датировок, документации достаточного уровня. Но приведенные аргументы о наличии больших домов для корпоративных групп, торговле предметами престижа и роли во всем этом элит (о чем я уже выше писал) дали возможность Р.Шультингу утверждать, что все-таки социальное неравенство имело место.

Большое внимание в исследованиях уделяется экологической тематике, в частности, ставятся вопросы, какую роль в социальных изменениях сыграли экологические изменения. Одна из статей посвящена отработке гипотезы о том, что значительное потепление «Fraser Valley Fire Period» привело к концентрации ресурсов в заливе Джорджия и устье р. Фрезер и к расцвету культуры фазы Marpole (2400- 1200/1000 калибров, л.н.) (Lepofsky et al, 2005). Получено 102 AMS-даты по лесным пожарам, которые совпадают в своих пиках с датами по стоянкам. Делается предположение, что, возможно, люди были причиной пожаров.

По мнению Прентисса с соавторами (Prentiss et al, 2005) климатические перемены могли привести к ухудшению ловли лосося и, как следствие, к концентрации населения в оставшихся экологических нишах. В другом случае (Hayden, Ryder, 2003) изучается вопрос, в какой мере извержение вулкана могло привести к изменению маршрутов лосося и покиданию стоянок.

Интересны исследования, посвященные влиянию климата, характера растительности на диету населения и характер его расселения (Kuijt,

Prentiss, 2004). Исследователи исходят из потребности древних рыболовов, чья диета была с избытком богата протеином (лосось), в углеводах. Эта потребность решалась собирательством - сбором луковичных растений семейства лилейных - геофитов. Увлажнение климата 800 л.н., как полагают, привело к сокращению данного вида ресурса и, как следствие, к разрушению поселений и дисперсии населения.

III. Иркутская археология неолита и бронзового века

Можно ли извлечь уроки из знакомства с археологией голоцена Северо-Западного побережья-и-плато Северной Америки, ассимилировать опыт исследований? Для ответа нужно обратиться к состоянию иркутского неолито- и бронзоведения, особенностям его развития. Не претендуя на полноту характеристики, я попытаюсь очертить лишь некоторые аспекты, релевантные для данной ситуации сравнительного анализа важного, поскольку эти обе археологии со своей спецификой стоят за спиной совместного российско-канадского проекта.

Действительно, археология неолита и бронзового века Прибайкалья начиналась в большей мере как археология погребений, этого наиболее яркого типа археологических объектов. Начатое Б.Э. Петри и его учениками обобщение первого опыта было завершено А.П. Окладниковым в двух монографиях в серии «Материалы и исследования по археологии» (1950, 1955). Созданная в 30-50-е годы концепция развития Прибайкальского неолита была написана им в духе марксистской археологии того времени: с претензией на реконструкцию всех сторон общественного устройства, с широкими спекуляциями, привлекающими обширный этнографический и исторический сравнительный материал. С тех пор подобные масштабные интерпретации по неолиту - бронзовому веку Прибайкалья уже не предпринимались. Дело не в том, что «потребности» в них уже не было: одна такая модель уже была создана, и в наследство археологам достался удел опровергать или принимать ее. (Наиболее раннюю критику работ А.П. Окладникова можно увидеть в отзыве на его первую монографию: Брюсов, 1951). В целом советская археология и вместе с ней иркутская археология ушли от «вульгарной» марксистской установки на реконструкцию всех сторон жиз-

ни древних обществ. Суть отрицания состояла в повышении требований научной строгости к выводам, отказе от голословных спекуляций, понимании специфики археологического источника и археологического познания и, отсюда, в направлении на построение собственного научного аппарата археологии и в отказе от понимания ее как истории, или этнографии, или социологии, «вооруженной лопатой» (Клейн, 1993). Одним из этапов этого пути была дискуссия о содержании основной категории научного археологического познания - «археологической культуры», длившаяся в течение 60-80-х гг. (Клейн и др., 1970; Генинг, 1987; Аникович, 1989). Важно отметить, что в результате появилось альтернативное прямолинейной корреляции археологических культур с этносами понимание сложности феноменов, стоящих за этим понятием. Сегодня иркутские археологи разделяют скепсис в отношении такой прямой увязки, понимая, что закрепляемая за археологической культурой сумма признаков может принадлежать самым разным порядкам социальной и культурной организации: от семьи до хозяйственно-культурного типа, представляя собою подчас компрессию этих порядков.

В отличие от археологии Американского побережья-и-плато в Прибайкалье ситуации нахождения погребений и стоянок в одном контексте являются редким исключением. Для большинства стоянок эпохи неолита - бронзового века характерна компрессия культуросодержащего слоя, что отличает их, например, от ряда комплексов мезолита. В результате нерешенными остаются вопросы датирования, культурно-хронологического расчленения материала. В ряде случаев это объясняется тем, что 1-я надпойменная терраса рек Южного Приангарья вышла из фазы аллювиального накопления, и процессы почвообразования, во многом, «повинны» в таком осадконакоплении и компрессии культурных остатков. В качестве ярких примеров можно привести аллювиальные мезолитические и субаэральные горизонты неолита-палеометалла Усть-Белой, мезолит-раннеолитические аллювиальные нижние и субаэральные компрессионные верхние горизонты Усть-Хайты (Осадчий и др., 2000). До сих пор в стояночных комплексах неолита-бронзового века Прибайкалья не удалось выявить жилищных структур (исключение составляют остатки землянок из местонахождений «Новый Ангарс-

кий Мост» (Лежненко, 2007), «Кузьмиха», но эти материалы еще не опубликованы). В качестве выраженных элементов структуры стоянки можно назвать очажные комплексы Усть-Хайты, Горелого Леса, Улан-Хады и др., искусственные ямы Поповского Луга, Кузьмихи, выложенные плитами «розетки» Горелого Леса и Улан-Хады, «хозяйственные ямы» с погребениями собак Усть-Белой. Коллекции каменного и костяного инвентаря содержат, в основном, типично стояночный набор: кухонные и производственные отходы и отбросы, изломанные и изношенные вещи, которые с трудом коррелируют с превосходными оружейными наборами сопроводительного погребального инвентаря. Существуют проблемы с культурно-хронологической «привязкой» отдельных типов орудий. Кроме некоторых из них: рыболовных стерженьков, гарпунов, особого типа шлифованных ножей и тесел, большинство орудий (скребки, резцы, наконечники стрел, нуклеусы и др.) оказываются не диагностичными. В лучшем случае речь можно вести об отдельных предметах «китайского», например, типа. С другой стороны, массовым и диагностичным стояночным материалом оказалась керамика, на основе изучения которой были выделены, так называемые, «керамические пласты» (Савельев, 1989). Археология погребений, попросту говоря, не знает такого разнообразия в керамике. В итоге в Прибайкалье сложилась своеобразная ситуация двух археологий: погребальной и стояночной. Конечно, очевидна необходимость увязки обоих друг с другом, но имеющегося уровня знаний просто не достаточно, чтобы говорить о каких-то стоянках, принадлежащих, например, людям, разделяющим китайский погребальный обряд. В обеих археологиях, погребальной и стояночной, на очереди стоят свои нерешенные вопросы. Так, не ясна до конца хронология усть-бельской и посольской керамик. К указанным различиям между двумя археологиями следует добавить, что исследования стояночных / керамических комплексов дают возможность строить гипотезы о миграции культур в пределах Енисея, Приангарья, Забайкалья, Приленья, фактически, независимо от погребальной археологии. Здесь можно упомянуть о выводе Н.А. Савельева о енисейском происхождении неолита (ряда неолитических традиций из канско-красноярской культурно-исторической области) в его диссертации (Савельев, 1989). На

материалах стояночных комплексов, прежде всего, типологии керамики выстроены культурно-хронологические схемы Приангарья (Савельев, 1989) и Верхней Лены (Зубков, 1982). В археологии погребений помимо передатирования китайской культуры более ранним возрастом (Мамонова, Сулержицкий, 1989) произошел пересмотр схемы в направлении территориально-хронологической локализации погребальных традиций, выделения локальных вариантов (Базалийский, 2005). Появилось несколько схем существования погребальных традиций в бронзовом - раннем железном веках и, наконец, в средневековье (Горюнова, 1992, 1996, 1997, 2002; Горюнова, Новиков, 2000; Харинский, 2001). В результате чего возврат к схеме «китайская культура versus серовская-глазковская культуры» является существенным упрощением достигнутого уровня знаний. При этом оказалось, что А.П. Окладников стал последним из советских археологов (не считая его прямых адептов), кто занимался рассмотрением социальной дифференциации (неравенства) китайцев и глазковцев. Современные иркутские конечные интерпретационные схемы носят характер культурно-хронологических схем, демонстрирующих региональные и локальные черты развития вещественной (археологизированной) части культуры, чем подробнее, тем лучше. Наиболее яркий тому пример: схема развития Байкальского среднего и позднего мезолита О.И. Горюновой и выстраиваемые ею схемы неолита и бронзового века для этого же района (Горюнова, 1992, 1996, 1997, 2002; Горюнова, Новиков, 2000; Goriunova, 2003).

Другое важное отличие иркутского неолито- и бронзоведения от археологии Северо-Западного побережья-и-плато Северной Америки состоит в отсутствии тесной связи с этнографией края. Это объясняется, с одной стороны, знанием того, что полная смена населения юга Средней Сибири в среднем-позднем голоцене происходила неоднократно. По данным антропологии, например, как минимум дважды: после китайцев и после людей развитого неолита - бронзового века (Герасимов, 1955; Гохман, 1980). По историческим данным, например, буряты как этнос сформировались в конце средневековья, накануне прихода русских, а во многом и благодаря их приходу (Харинский, 2001). Поэтому в нашем случае археологи далеки от мысли разделять отношения бурят,

например, Приольхонья к могильникам бронзового и раннего железного века как к могилам их прямых предков. Вторая причина состоит в том, что на вооружении иркутских археологов просто нет этнографических и теоретических этнолого-социологических моделей, которые можно было бы использовать в интерпретации археологического материала. Большую роль играют представления о познавательной специфике археологического объекта как источника, выражаемой в концепциях двойного разрыва (от письменной истории и от функционального узнавания в этнографии: Клейн, 1978; 2004) или «порогов узнаваемости» (Медведев, Волосова, 1993; Волосова, 1994). В общем случае, удаленность объектов археологии от наших дней играет разрушительную роль в попытках использования этнографических аналогий. Если речь, например, идет о китайцах, то это все-таки 7-6 тысяч лет от наших дней. Причиной здесь является и нежелание брать на себя ответственность за спекулятивные выводы (об этом, например, Тетенькин, 2002а). Отсюда отсутствие спроса на выведенные из этнографии аналогии.

М. Байкальский археологический проект (Заключение)

Обратимся теперь вновь к Байкальскому археологическому проекту, возглавляемому А. Вебером. Его модель истории населения Прибайкалья в неолите - раннем бронзовом веке опубликована во множестве статей (например: Вебер, Линк, 2001). Можно привести здесь ссылку на наиболее полную ее презентацию в коллективной монографии «Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia» (2003), под общей редакцией А. Вебера и Х. Макензи. Поскольку читателям, не знакомым близко с тематикой, она все же может быть неизвестна, я приведу ее в общих чертах.

Ранний неолит характеризуется в Прибайкалье обществами китойцев, которые являются автохтонным населением - о ранних китойцах можно говорить применительно к позднему мезолиту. Это были общества с развитой социальной организацией, некоторой формой социального неравенства, имеющие сложный погребальный обряд, развитое искусство, ведущие полуседлый образ жизни. Большую роль в хозяйстве играло рыболовство. Межрайонная мобильность китойцев в пределах треугольника Верхняя Ангара

- Верхняя Лена, Западный Байкал была низка, возможно общества их были эндогамными, не имеющими постоянных контактов друг с другом. Этот сложный тип социального устройства стал причиной их физиологического неблагополучия, пищевых стрессов и высокой смертности у детей и женщин, многочисленных болезней. В конце концов, они сходят с исторической сцены. Наступает хиатус - 6800-5800 л.н. - перерыв в обитании, или же население настолько незначительно, что мы не можем уловить следов его пребывания. Спустя несколько столетий появляются, так называемые, серово-глазковцы. Это двойное название отражает соединение вместе двух, выделенных А.П. Окладниковым культур, в котором серовцы представляют собой ранний этап (развитый или поздний неолит), а глазковцы - развитие того же населения в раннем бронзовом веке. Антропологически они совершенно отличны от китойцев, как это показал еще М.М. Герасимов (1955). Они представляют собой другой способ адаптации. Это эгалитарные, простые общества охотников-собираателей, живущих меньшими коллективами, более мобильных, возможно благодаря экзогамии брачных отношений. В их существовании рыболовство играло заметно меньшую роль. Доминирует охота, но на Байкале появляется (развивается) также охота на нерпу (водных млекопитающих). За счет более простой социальной организации, большей мобильности это население более приспособлено к занимаемой в Прибайкалье нише, чем китойцы. В конце серово-глазковского этапа численность населения растет, и социальная организация вновь усложняется.

Первый этап проекта был посвящен изучению могильников. Начиная с полевого сезона 2006-го года центр тяжести в исследованиях был перемещен на изучение поселений. В рамках проекта начаты исследования стабильных изотопов и ДНК (Katzenberg, Weber, 1999; Weber et al, 2003; Schurr, 2003; Mooder et al, 2003), которые в перспективе могут многое сказать о мобильности, диете, родственных связях, образе жизни. На сегодняшний момент очевидны перспективы этих исследований, но текущий уровень их таков, что эти, пионерные результаты не могут достаточно полно и уверенно ни опровергнуть, ни подтвердить модель. Ясно только, что эти работы должны быть продолжены. Были осуществлены попытки Х.

Макензи (McKenzie, 2006) и М. Меткалфа (Metcalf, 2006) объяснить погребальную вариабельность глазковских могильников Приольхонья введением принципа прямой корреляции социального статуса со степенью сложности погребального обряда. В итоге было очевидно показано, что сложность, многообразность погребальной практики в бронзовом веке на порядок возрастает, и в этом отношении глазковцы, должны быть противопоставлены серовцам.

Знакомство с научной литературой проливает свет на логику и характер научных построений наших канадских коллег. Интерпретации в терминах эволюции обществ, возникновения социального неравенства, мобильности, элит с их правами на территорию и ресурсы, хиатусами-перерывами в обитании вполне типичны для американской (американо-канадской) археологии. (К слову сказать, на конференции «Заселение Берингии в позднем плейстоцене» в ноябре 2006 г. в Техасском А&М университете я увидел, как наши американские коллеги нашли пару хиатусов в позднем палеолите Енисея и Забайкалья.) Важно понять и то, что А. Вебер пришел с практически готовой моделью в Прибайкалье по двум причинам. Во-первых, поскольку в организационном плане она была необходима. Потому что иначе, без амбициозной модели перспективы получения финансовой поддержки западными научными фондами были бы мизерными, и потому, что поиск и «вербовка» специалистов в команду проекта, наделение каждого специализированным полем исследований, иначе говоря, научный менеджмент и планирование осуществляются именно под задачу верификации, подтверждения этой гипотезы. И в этом смысле она, конечно, востребована. Во-вторых, я полагаю, это типичный для западной археологии подход: исследователь начинает работу с материалами, уже имея рабочую гипотезу. Исследование заключается, по сути, в подтверждении, верификации этой модели.

Для иркутских археологов, конечно, замысел проекта показался амбициозным, поскольку перед задачами подобного рода (социальное неравенство, функциональная и социальная в том числе семантика погребального обряда, этническая история и т.п.) они либо встали в продолжительный тупик, либо отодвинули их решение к дальним горизонтам научного познания, кото-

рое, как известно, беспредельно. Амбициозность задач А. Вебера и его коллег находит в советской научной истории аналог в марксистской археологии 30-50-х годов. Не случайно, поэтому А.П. Окладников остается наиболее цитируемым ими советским автором. Здесь я отмечу, что такое сходство современной западной («новой археологии», в частности) и советской археологии 30-50-х гг. отмечали как наши, так и зарубежные исследователи (Гуляев, 1990; McGuire, 1992). Вопрос в том, что после А.П. Окладникова иркутские археологи ушли от этих тем, поскольку понимали, что нет достаточных научных средств для ответственного построения знаний. Ушли в сторону, потому что стали работать в собственно археологической парадигме выделения признаков - типов - археологических культур /традиций/ индустрии/ пластов. Свою роль сыграло представление об ограниченности собственной дисциплины, в котором археологи должны заниматься «своим делом» - источниковедением; «верхние этажи» интерпретаций - задача историков первобытного общества. Эта точка зрения нашла наиболее полное выражение в идее Л.С. Клейна «эшелонированной археологии» (Клейн, 1993). Вот только где они, эти «первобытные историки»? После А.П. Окладникова иркутские археологи ушли в сторону от этой тематики, но это отнюдь не значит, что, столкнувшись с теми же проблемами, наши коллеги «уткнулись в те же тупики». Во-первых, потому что американская археология гораздо лучше обеспечена объяснительными моделями, поскольку в отличие от отечественной археологии камня и бронзового века последних десятилетий, на Западе гораздо теснее сотрудничали с этнографией, этнологией, общей социальной антропологией; здесь просто нет четких предметных и организационных демаркаций! И современная техника археологического изучения, конечно, уже не та. Во-вторых, исследование в проекте есть задача проверки, заполнения конкретным знанием именно этой модели группой ученых, ориентированных на успех.

Абстрагируясь теперь от Байкальского археологического проекта и беря во внимание сам подход отработки рабочей гипотезы, я хочу отметить некоторые следующие часто встречаемые и в этом смысле типичные методологические ошибки, которые увидел, знакомясь с литературой.

Имея наготове проект интерпретационной модели в качестве рабочей гипотезы, исследователь уже, по сути, ангажирован и всегда рискует быть предвзятым в обращении внимания лишь на комплиментарные данные. Приходя с готовой гипотезой в новое объектное поле, исследователь верифицирует ее, осуществляя во всем объеме материала поиск фактов, которые подходят к модели. Используемый в лексике в этом случае глагол «to fit» с тем же значением употребляется в магазинах при примерке одежды на себя: подходит, или не подходит. И если все подошло, если найдены такие аргументы, работу можно считать успешной. Слабым местом здесь является то, 1) что мы рискуем наделать ошибок, вырывая отдельный материал из контекста, 2) что лимитированы этой задачей заполнения рабочей гипотезы, 3) что подчас работа с гипотезой не предполагает полноты характеристики самих объектов, 4) что работа с уже готовой гипотезой не предполагает процедуры выбора между возможными интерпретационными моделями. Я полагаю, что данные «слабые места» как вероятные «подводные камни» надо иметь в виду, развивая сотрудничество дальше.

Например, часто встречаемой методологической ошибкой является такой подход. Исследователи берут какой-то принцип, который в роли аспекта, действительно имеет место, т.е. играет некую роль в культуре и организации общества, и далее, рассматривая его как «ключевой», работают только с одним этим аспектом, пытаясь тем самым найти объяснение всему целому феномену. Например, длина и сработанность концевого скребка рассматриваются как выражение мобильности группы (Blades, 2003); «одноразовые» (expedient) и «многократные» (curated, перевод не совсем точный) орудия - как показатель типа адаптации неандертальцев и современных хомо (Riel-Salvatore et al, 2004). Сами по себе идеи не плохие, кое-что они могут объяснить, но в своем частном контексте, для интерпретации макросоциальных эволюционных и адаптационных процессов они одни не достаточны. Вот схожий пример. В университетах США и Канады кофе пьют из картонных стаканчиков и едят пластмассовыми вилками. В России его пьют из фарфоровых кружек. Давайте выдернем из контекста curated наши фарфоровые чашки и их expedient картонные стаканы и объясним ими одними мобиль-

ность наших обоих обществ, тенденции в развитии человечества?! И вставим их в стандартную статистическую математическую модель. Будет ли при этом она построена таким образом, что уже будет брать во внимание социо-культурную организацию обществ, которую мы еще только беремся исследовать? Еще один пример: можно согласиться, что если есть социальное неравенство в обществе, оно будет выражено в погребальной практике (Бинфорд и др.), социальной организации пространства (Бурдьё). Но достаточно ли одного этого постулата для того, что бы объяснить всю сложность погребальных традиций глазковского времени? Не сотворим ли мы насилия над материалом, втискивая его в узкую схему социальной иерархии? В качестве контраргумента можно предложить работу К. Леви-Строса, посвященную тотемизму (Леви-Строс, 1994), в которой он показал, что это гораздо более сложный феномен, нежели чем только маркирование территории, исторической памяти, политической легитимности. Что речь нужно вести о существовании структурно организованного множества самых разнообразных мифологических, политических, генеалогических и других планов сознания, жестко коррелируемых друг с другом и одновременно проявляющих себя в феномене тотемизма.

Наша российская специфика участия в проекте может быть выражена в вопросе: что останется после того, как подчистую были выкопаны целые могильники? После того, как социальная машина под названием «Байкальский археологический проект» отработает их в своих научных целях? Российские и сибирские, и иркутские, в частности, археологи всегда осознавали, что имеют дело с культурным наследием, национальным достоянием. Это естественно. Саму дисциплину можно понимать как деятельность, уничтожающую памятники во имя лучшего их понимания, а значит сохранения памяти. И задача максимальной полноты проведенных исследовательских процедур над объектом, научного семиозиса (присвоения ископаемым материалам научной интерпретации) всегда будет императивом научной деятельности археолога: уж коли мы взяли за лопаты, мы должны предельно полно в наших возможностях охарактеризовать выкапываемые памятники древней культуры. Это, по сути, другой заход - не от гипотезы, а от наших объектов.

И наша российская специфика участия в проекте: работа в нем расширяет наши возможности изучения - характеристики выкапываемых объектов археологии.

Возвращаясь вновь к потенциалу международного сотрудничества и опыту археологии Американско-Канадского побережья-и-плато, можно и нужно указать на положительный опыт многих частных подходов, методов решения исследовательских задач. Тем более, что действительно, и в Прибайкальском неолито- и бронзоведении мы можем ставить многие аналогичные вопросы. Например: что можно сказать о культурной и социальной организации «китойцев» и «глазковцев» (эти вопросы уже стоят в проекте), кроме того, что, судя по погребальной традиции, она действительно сложная; можем ли мы охарактеризовать какие-либо предметы в терминах социального статуса и престижа, например, предметы дальнего импорта (изделия из витимского светлого нефрита, хуннские поясные бляхи, предметы скифо-сибирского стиля, клады); что можно сказать о продолжительности и объеме деятельности на стоянках и отсюда о характере мобильности обитателей? Какую роль в рационе древних играл тот или иной ресурс, например, рыба, нерпа?

Моя точка зрения заключается в том, что работая, ныне действующая в российской археологии культурно-типологическая парадигма (или подход) не адекватна, не дает достаточных теоретических средств для работы в этом направлении, в том числе для ассимиляции результатов частных исследований в рамках проекта. В лучшем случае тип-лист, например, позднего неолита может быть продолжен перечислением через запятую новых данных по ловле рыбы, нерпы и т.п. А некоторые результаты, такие как, например, результаты исследований по ДНК, вообще не понятно, куда «пристроить»: тут уж совсем очевидно, что скребки и стабильные изотопы, взятые вместе, нуждаются в каких-то особых объяснительных схемах, каких нет в культурно-типологическом подходе (об этом, например: Тетенькин, 2003б). Обращаясь к опыту других гуманитарных наук, стоит отметить, что и психология, и семиотика испытали трудности в своем оформлении, пока не были созданы необходимые для них предметные представления: онтологические схемы, поня-

тийный аппарат, методология и т.д. (Щедровицкий, 1975: 147; 2005: 87-217, 391-420).

Во-вторых, мы должны осознать, что археология - это дисциплина, имеющая дело со сложным процессом познания. Знания и методы в нем имеют различные эпистемологические пределы, модальности суждений, в различной степени валидны, обеспечены конкретным материалом, и что мы имеем дело со всеми ними. Что процесс познания многоплановый, многоэтапный, каждому из этапов присуща своя специфика познавательных процедур и выводов. Равно как и каждому типу объектов археологии присущи свои информационные возможности, благодаря чему какой-то ряд аспектов изучения так и останется не раскрытым, или спекулятивным. Например, какую роль в лимитировании наших познавательных возможностей играет знаковая природа погребального ритуального обряда? Каковы, в принципе, критерии достоверности суждения для каждого из этапов построения научного знания? Как методологически, логически грамотно работать с несколькими альтернативными интерпретационными моделями одновременно?

Я полагаю, что прежде, чем сравнивать с имеющимися в теории объяснительными моделями собственный материал (или примеривать его под модели) и тем самым дать ему функциональную интерпретацию, следует выстроить («вырастить») из того, что имеем, собственную модель и затем ее сравнивать, а не исходные материалы. Вроде того, как если бы мы отвечали не на вопрос: «был ли тут кил-сайт, или базовая стоянка, или нет», а на вопрос «на что из имеющихся образцов похожа наша собственная модель», которую мы строили, не будучи ангажированными идеями кил-сайта или базовой стоянки, фуражиров или коллекторов, исходя из того, что реально на руках имеем. Конечно, такое знание строится, исходя из онтологических схем идеального объекта, которые задают смысловую целостность нашему знанию, являются основанием для распределения конкретного археологического материала. Знание-модель, имеет, таким образом, двухслойное строение: 1) онтологическая схема, 2) ее заполнение - конкретный материал (Тетенькин, 2003б; Тетенькин, Инешин, 2003; Инешин и др., 2004). Откуда мы должны брать эти схемы? Это в принципе должны быть формализованные теоретические представления инвариантные любому

конкретному объекту, и в этом смысле наиболее редуцированные, обобщенные или абстрактные. Они должны быть «сняты» в ходе теоретической работы над всем корпусом теоретических, прикладных знаний в этой предметной области и над смысловыми неопределенными пониманиями, которые нерелексивно сидят в голове у каждого (!) археолога. Здесь, я полагаю, есть перспектива для сотрудничества! В чем преимущество такого подхода? Спекулятивные поначалу, то есть не заполненные, ячейки этой схемы по ходу научной работы заполняются конкретным содержанием (метод познания - «восхождение от абстрактного к конкретному»). Мера их спекулятивности уменьшается, но, очевидно, полностью не исчезнет никогда, поскольку мы работаем с остатками археологизированными, а не с живым объектом. Как мы распределяем по ячейкам схемы-модели (схемы-конфигуратора, по Г.П. Щедровицкому (1984)) конкретные добываемые нами археологические материалы? Имеющимися в науке методами, позволяющими сказать, что вот это скребок, а это, как минимум, какое-то орудие - дать функциональное определение. Здесь любое сотрудничество, любые усилия, направленные на получение как можно более полной информации методами современной науки будут полностью востребованы. Какие-то приемы в решении конкретных задач диагностики материала могут быть стандартными, опыт их применения, заимствование алгоритмов решений, может быть полезен. Но на этом этапе, еще раз повторюсь, исследователь должен работать, не будучи ангажированными целью подтвердить или опровергнуть идею кил-сайта или чего-либо еще. Причем, что очень ценно в моих глазах, каждый новый материал будет приращивать эту модель. Она в этой своей части, фактически, непотопляема. На этом этапе знание имеет характер синтагматической конструкции (Тетенькин, Инешин, 2003; Инешин, и др., 2004). Уязвимыми для новых открывшихся обстоятельств могут быть процедуры функционального определения модели - сравнения того, что получилось, с имеющимися прецедентами. Это следующий этап парадигматизации знания (Тетенькин, Инешин, 2003). (Здесь мы работаем точно так же, как почвоведы, палеонтологи, климатологи и иже с ними). Если, что-то не так, мы можем вновь вернуться назад, и продолжить со-

здание нашего знания, беря в оборот эти вновь, открывшиеся обстоятельства.

Далее, суть моей точки зрения состоит в том, что надо проработать такую онтологическую схему для такого типа объекта как «общество - могильник, стоянка» и начать строить знание-модель на материалах изучения всей суммы археологических данных. И далее уже сравнивать его с конечными интерпретационными моделями, присваивая тем самым значение одной из них. Наличие такой «выращиваемой» модели позволит ассимилировать конкретные разработки, в т.ч. и полученные в рамках проекта. Для этого нужно взять курс на системное, структурное, процессуальное (это с точки зрения культуры научного познания дело обязательное) социологическое (или антропологическое, в западном смысле слова) представление объекта (подход, дискурс).

В этом подходе принципиально важна возможность выбора между интерпретационными моделями, дедуцированными из этнологии, социологии, археологии. В качестве примера приведу такую ситуацию: палеоэкологи или почвоведы, произведя работу над собственными материалами и выстраивая некое знание, стремясь охарактеризовать его, начинают поиск ландшафтно-климатических аналогов среди выделенных древних и известных современных типов (например, сюжет об определении раннего неоплейстоценового возраста нижних культуросодержащих слоев местонахождения Карама на Алтае по материалам палинологических спектров (Болиховская, Шуньков, 2005)). Если на выбор будет предлагаться только один тип, эту ситуацию вряд ли можно назвать удовлетворительной.

Для рабочей гипотезы Байкальского археологического проекта прохождение этих исследовательских процедур, по сути, и есть ее верификация и возведение под нее более устойчивого «научного фундамента».

Благодарности

В заключение я хочу поблагодарить за предоставленную мне возможность работать в Университете Альберта (Канада) и за помощь главу Байкальского археологического проекта, профессора А. Вебера, а также Т. Номоконову, А. Хиоб и Р. Лозея. Без их помощи и дружеской поддержки, эта работа бы не состоялась.

Литература

- Аникович М.В.** Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // С А - 1989. - №4. - С.115-126.
- Базалийский В.И.** К проблеме культурно-хронологических особенностей погребальных комплексов эпохи позднего мезолита - неолита Байкальской Сибири // Социогенез в Северной Азии: Сборник научных трудов / Под ред. А.В.Харинского. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. - Ч.1. - С.35-42.
- Болиховская Н.С., Шуньков М.В.** Климатостратиграфическое расчленение древнейших отложений раннепалеолитической стоянки Карамы // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2005. - №3. - С.34-51.
- Брюсов А.Я. А.П. Окладников.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 18, М.-Л., Изд. АН СССР, 1950, ц. 45 р. 50 к. // ВДИ - 1951. - №4. - С.155-161.
- Вебер А.В., Линк Д.В.** Неолит Прибайкалья: итоги и перспективы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2001. - №1(5). - С.135-146.
- Волосова Е.Б.** О проблемах познавательной специфики археологии // Методология и методика археологических реконструкций. - Новосибирск, 1994.-С.4-10.
- Генинг В.Ф.** Археологическая культура - социально-исторический организм - центральная категория познания в археологии (к разработке теории археологической культуры) // Исследования социально-исторических проблем в археологии. - Киев, 1987. - С.6-35.
- Герасимов М.М.** Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек). - М., 1955. - §44: Неолитическое население в области байкальской культуры. - С.414-435.
- Горюнова О.И.** Бронзовый век на территории Прибайкалья // Северная Евразия от древности до средневековья. - СПб., 1992. - С.50-53.
- Горюнова О.И.** Поздний бронзовый век на территории Прибайкалья // Археология, антропология и этнография Сибири. - Барнаул, 1996. - С.82-96.
- Горюнова О.И.** Серовские погребения Приольхонья. - Новосибирск: Наука, 1997. - 112 с.
- Горюнова О.И.** Древние могильники Прибайкалья (неолит - бронзовый век). - Иркутск, 2002. - 84 с.
- Горюнова О.И.** Новиков А.Г. Бескерамические комплексы Приольхонья (оз.Байкал) // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей: Программа и материалы докл. международ. науч. семинара. - Иркутск, 2000. - С.51-57.
- Гохман И.И.** Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по антропологии и краниологии СССР // МАЭ. - Л., 1980. - Т.36. - С.5-34.
- Гуляев В.И.** «Новая археология» на современном этапе // Проблемы теории и методики в современной археологической науке // КСИА, 1990. - Вып. 201. - С.62-68.
- Зубков В.С.** Неолит и ранний бронзовый век Верхней Лены: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Ленинград, 1982. - 18 с.
- Инешин Е.М., Клементьев А.Н., Мартынович Н.В., Тернер-И К.Дж., Тетенькин А.В., Хензыхенова Ф.И.** Проблематика и вопросы методологии зооархеологических исследований Большого Якоря I // Известия Лаборатории древних технологий. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. - Вып. 2. - С.49-86.
- Клейн Л.С., Миняев С.С., Пиотровский Ю.Ю., Хейфец О.И.** Дискуссия о понятии «археологическая культура» в Проблемном археологическом семинаре Ленинградского университета // СА. - 1970. - №2. - С.298-302.
- Клейн Л.С.** Археологические источники. - 71., 1978.- 120 с.
- Клейн Л.С.** Феномен советской археологии. - С.-Пб.:Изд-во "ФАРН", 1993. - 128 с.
- Клейн Л.С.** Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Метаархеология: Учеб. пособие. - СПб.: «Бельведер», 2004. - 470 с.
- Леви-Строс К.** Тотемизм сегодня // Леви-Строс К. Первобытное мышление. - М.: Республика, 1994.-С.37-111.
- Лежненко И.Л.** Предварительные итоги исследований многослойного геоархеологического объекта «Новый Ангарский Мост» в зоне строительства мостового перехода через р.Ангару в г.Иркутске // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этноло-

гия и антропология. - Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. - Т.1. - С.364-372.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по С-14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. - 1989. - №1. - С. 19-32.

Медведев Г.А., Волосова Е.Б. О термине «освоение» и некоторых проблемах археологического познания (геоархеологический аспект) // Исторический опыт освоения Восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. - Владивосток, 1993. - С.56-61.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М.-Л., 1950. - 4.1-2. - 412 с. - (МИА, №18).

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. - М.-Л., 1955. - Ч.3: Глазковское время. - 373 с. - (МИА №43).

Осадчий С.С., Тетенькин А.В., Савельев Н.А., Игумнова Е.С. Геоморфология и стратиграфия нового многослойного археологического местонахождения Усть-Хайта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. -Т.IV. -С.192-197.

Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1989. - 25 с.

Тетенькин А.В. К вопросу о выборе способа изображения объекта археологического исследования // Известия Лаборатории древних технологий. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003а. - Вып. 1. - С.26-33.

Тетенькин А.В. К вопросу о выборе способа изображения объекта археологического исследования // Известия Лаборатории древних технологий. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003б. - Вып. 1. - С.26-33.

Тетенькин А.В., Инешин Е.М. Логико-методологические аспекты зооархеологических исследований // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. - С.40-45.

Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). - М., 1975. -С.72-161.

Щедровицкий Г.П. Синтез знаний: проблемы и методы // На пути к теории научного знания. - М.: Наука, 1984. - С.67-109.

Щедровицкий Г.П. Мышление, понимание, рефлексия. - М.: «Наследие ММК», 2005. - С.341-390.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. - сер. II тыс. до н.э.: генезис культур и их периодизация. - Иркутск, 2001. - 198 с.

Ames K.M. 1994. The Northwest Coast: Complex Hunter-Gatherers Ecology and Social Evolution. Annual Reviews Anthropology. 23: 209-29.

Ames K.M., Maschner H.D.G. 1999. Peoples of the Northwest Coast. - London: Thames and Hudson. - 288 p.

Andrefsky W.J. 2004. Materials and contexts for a culture history of the Columbia Plateau Complex Hunter-Gatherers. Evolution and Organization of Prehistoric Communities on the Plateau of Northwestern North America. 2004. Edited by W.C.Prentiss and I.Kujft. University of Utah Press, Salt Lake City. Pp. 23-35.

Binford L.R. 1971. Mortuary practices: their study and their potential. Approaches to the Social Dimensions of Mortuary practices / edited by J.A.Brown, pp.6-29. Memoirs of the Society for American Archaeology, no.25, New York.

Binford L.R. 1980. Willow smoke and dogs' tails: hunter-gatherer settlement systems and archaeological site formation American Antiquity #45(1): 4-20.

Blades B.S. 2003. End scraper reduction and hunter-gatherer mobility. American Antiquity, #68(1): 5-38.

Blake M. 2004. Fraser Valley trade and prestige as seen from Scowlitz. Complex Hunter-Gatherers. Evolution and Organization of Prehistoric Communities on the Plateau of Northwestern North America. Edited by W.C.Prentiss and I.Kuijt. University of Utah Press, Salt Lake City. Pp.103-112.

Broughton J.M., Brayham F.E. 2003. Showing off foraging models, and the ascendance of large-game hunting in the California Middle Archaic. American Antiquity. #68(4): 783-789.

Brown D. 2003. Shell midden and midden burials in Southern Strait of Georgia Prehistory. Archaeology of Coastal British Columbia. Burnaby: Archaeology Press Department of Archaeology. Pp. 153-164.

Carlson R.L. 1996. Early Namu. Early human occupation in British Columbia. Edited by

R.L.Carlson, L.D.Bona. Vancouver: University of British Columbia Press. Pp. 83-102.

Carlson R.L. 1996. Introduction to Early Human Occupation in British Columbia. Early human occupation in British Columbia. Edited by R.L.Carlson, L.D.Bona. Vancouver: University of British Columbia Press. Pp. 3-10.

Carlson R.L. 1996. The Later Prehistory of British Columbia. Early human occupation in British Columbia. Edited by R.L.Carlson, L.D.Bona. Vancouver: University of British Columbia Press. Pp.215-226.

Charles D.K., Buikstra J.E. 1983. Archaic mortuary sites in the Central Mississippi Drainage: distribution, structure, and behavioral implications. Archaic hunters and gatherers in the American Midwest. / Edited by J.L.Phillips and J.A.Brown, pp.117-145. Academic Press, New York.

Chatters J.C. 2004. Safety in numbers: the influence of the bow and arrow on the village formation on the Columbia Plateau. Complex Hunter-Gatherers. Evolution and Organization of Prehistoric Communities on the Plateau of Northwestern North America. Edited by W.C.Prentiss and I.Kuijt. University of Utah Press, Salt Lake City. Pp. 67-83.

Complex Hunter-Gatherers. Evolution and Organization of Prehistoric Communities on the Plateau of Northwestern North America. 2004. Edited by W.C.Prentiss and I.Kuijt. University of Utah Press, Salt Lake City. 219 p.

Goodale N.B., Prentiss W.C., Kuijt I. 2004. Cultural complexity: a new chronology of the Upper Columbia Drainage Area. Complex Hunter-Gatherers. Evolution and Organization of Prehistoric Communities on the Plateau of Northwestern North America. Edited by W.C.Prentiss and I.Kuijt. University of Utah Press, Salt Lake City. Pp.36-48.

Hayden B. 1995. Pathways to Power Principles for Creating Socioeconomic Inequalities Foundations of social inequality. Edited by T.D.Price, G.M.Feinman. New York and London: Plenum Press. Pp. 15-86.

Hayden B. 2005. The emergence of large villages and large residential corporate group structures among complex hunter-gatherers at Keatley Creek. American Antiquity. #70(1): 169-174.

Hayden B., Adams R. 2004. Ritual structures in transegalitarian communities. Complex Hunter-Gatherers. Evolution and Organization of Prehistoric Communities on the Plateau of Northwestern

North America. Edited by W.C.Prentiss and I.Kuijt. University of Utah Press, Salt Lake City. Pp.84-102.

Hayden B., Eldridge M., Eldridge A., Cannon A. 1985. Complex hunter-gatherers in Interior British Columbia in The emergence of cultural complexity. Edited by T.D.Price, J.A.Brown. Orlando: Academic Press, Inc. pp. 181-199.

Hayden B., Ryder J. 2003. Cultural collapses in the Northwest: A reply to Ian Kuijt. American Antiquity. #68(1): 157-160.

Hayden B., Schulting R. 1997. The Plateau Interior and Late Prehistoric cultural complexity. American Antiquity. #62(1): 51-85.

Hildebrandt W.R., McGuire K.R. 2002. The Ascendance of hunting during the California Middle Archaic: An Evolutionary Perspective. American Antiquity. #67(2): 231-256.

Jones T.L., Fitzgerald R.T., Kennett D.J., Miksicek Ch.H., Fagan J.L., Sharp J., Erlandson J.M. 2002. The Cross Creek Site (CA-SLO-1797) and its implications for new World colonization. American Antiquity. #67(2): 213-230.

Katzenberg M.A., Weber A. 1999. Stable isotope ecology and palaeodiet in the Lake Baikal Region of Siberia. Journal of Archaeological Science. #26: 651-659.

Kuijt I., Prentiss W.C. 2004. Villages on the edge: pithouses, cultural change, and the abandonment of aggregate pithouse villages. Complex Hunter-Gatherers. Evolution and Organization of Prehistoric Communities on the Plateau of Northwestern North America. Edited by W.C.Prentiss and I.Kuijt. University of Utah Press, Salt Lake City. Pp. 155-168.

Lepofsky D., Blake M., Brown D., Morrison, Oakes Nicole, Lyons N. 2000. The Archaeology of the Scowlitz Site SW British Columbia. Journal of Field Archaeology. Vol.27: 391-416.

Lepofsky D., Letzman K., Halleth D. and Mathews R. 2005. Climate change and culture change of the Southern Coast of British Columbia 2400-1200 Cal.B.R: An Hypotesis. American Antiquity. #70(4): 695-712.

Lieverse A.R. 2005. Bioarchaeology of the Cis-Baikal: Biological indicators of Mid-Holocene hunter-gatherer adaptation and cultural change. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Department of Anthropology, Edmonton, Alberta. 224 p.

Losey R. 2005. House remains at the Netarts Sandspit village, Oregon. *Journal of Field Archaeology*. #30(4): 401-417.

Lovis W.A., Donahue R.E., Holman M.B. 2005. Long-Distance Logistic Mobility as an organizing principle among Northern hunter-gatherers: A Great Lakes Middle Holocene Settlement System. *American Antiquity* #70(4): 669-693.

McGuire Randall H. 1992. *Soviet Archaeology*. McGuire Randall H. 1992. *A Marxist Archaeology*. San Diego: Academic Press, pp.56-62.

McKenzie H. G. 2003. Mortuary Behavior and Settlement-Subsistence Systems among Middle Holocene Hunter-Gatherers in Cis-Baikal, Russia: An Introduction to Theoretical Program of Work. Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal Siberia. 2003. Baikal Archaeology Project. Conference (1st: 2002: Banff, Alta.) Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia: Proceedings of the First Conference of the Baikal Archaeology Project / Andrzej Weber and Hugh Mackenzie, editors. Canadian Circumpolar Institute Press, University of Alberta., pp.85-122.

McKenzie H. G. 2006. Mortuary Variability among Middle Holocene Hunter-Gatherers in the Lake Baikal Region of Siberia, Russia. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Department of Anthropology, Edmonton, Alberta. 359 p.

Metcalf M.A. 2006. The Bronze Age cemetery of Kurma XI: a contribution to understanding the mortuary variability and social organization of hunters and gatherers of Siberia, Russia. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Department of Anthropology, Edmonton, Alberta. 274 p.

Mooder K.P., Schurr Th.G., Bamforth F.J., Bazaliiskii V.I. 2003. Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal Siberia. 2003. Baikal Archaeology Project. Conference (1st: 2002: Banff, Alta.) Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia: Proceedings of the First Conference of the Baikal Archaeology Project / Andrzej Weber and Hugh Mackenzie, editors. Canadian Circumpolar Institute Press, University of Alberta. Pp. 187-196.

O'Shea J.M. 1984. Mortuary variability: an archaeological investigation. Academic Press, Orlando, Florida.

Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal Siberia. 2003. Baikal Archaeology Project. Conference (1st: 2002: Banff, Alta.) Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia: Proceedings of the First Conference of the Baikal Archaeology Project / Andrzej Weber and Hugh Mackenzie, editors. Canadian Circumpolar Institute Press, University of Alberta. 215 p.

Prehistoric Hunter-Gatherers. 1985. The emergence of cultural complexity. Edited by T.D.Price, J.A.Brown. Orlando: Academic Press, Inc. 450 p.

Prentiss W.C., Kuijt I. 2004. The evolution of collectors on the Canadian Plateau. Complex Hunter-Gatherers. Evolution and Organization of Prehistoric Communities on the Plateau of Northwestern North America. Edited by W.C.Prentiss and I.Kuijt. University of Utah Press, Salt Lake City. Pp.49-63.

Prentiss W.C., Lenert M., Foor Th.A., Goodale N.B. 2005. The emergence of complex hunter-gatherers on the Canadian Plateau. A response to Hayden. *American Antiquity*. #70(1): 175-180.

Price D.T., Brown J.A. 1985. Aspects of hunter-gatherer complexity in The emergence of cultural complexity. Edited by T.D.Price, J.A.Brown. Orlando: Academic Press, Inc., pp. 3-20.

Riel-Salvatore J., Barton M.C. 2004. Late Pleistocene technology, economic behavior and land-use dynamics in Southern Italy. *American Antiquity*, #69(2): 257-274.

Robertson C.J. 2006. Grave Disturbance at Khuzhir-Nuge XIV, Siberia. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Department of Anthropology, Edmonton, Alberta. 148 p.

Saxe A. A. 1970. Social Dimensions of mortuary practices. Ph.D.Dissertation, Dept. of Anthropology, Michigan State University

Saxe A.A.1971. Social dimensions of mortuary practices in Mesolithic Population from Wadi Haifa, Sudan. Approaches to the social dimensions of mortuary practices / Edited by J.A.Brown, pp. 39-57. *Memoirs of Society for American Archaeology*, No.25, New York.

Schiffer M.B., Skibo J.M. 1997. The explanation of artifact variability *American Antiquity*. #62(1): 27-50.

Schulting R.J. 1995. Mortuary Variability and Status Differentiation on the Columbia-Fraser Plateau. Archaeology Press, Simon Fraser University, Burnaby, B.C., V5A, 1S6, 224 p.

Schurr Th.G. Molecular genetic diversity of indigenous Siberians: implications for ancient DNA studies of Cis-Baikal archaeological populations. 2003. Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal Siberia. 2003. Baikal Archaeology Project. Conference (1st: 2002: Banff, Alta.) Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia: Proceedings of the First Conference of the Baikal Archaeology Project / Andrzej Weber and Hugh Mackenzie, editors. Canadian Circumpolar Institute Press, University of Alberta. Pp. 155-186.

Stryd A.E., Rousseau M.K. 1996. The Early Prehistory of the Mid Fraser-Thompson River Area. Early human occupation in British Columbia. Edited by R.L. Carlson, L.D. Bona. Vancouver: University of British Columbia Press. Pp. 159-166.

Testart A. 1982. The significance of food storage among hunter-gatherers: residence patterns, population densities, and social inequalities. *Current Anthropology*. #23(5): 523-537.

Weber A. 1995. The Neolithic and Early Bronze Age of the Lake Baikal Region: a review of recent research. *Journal of World Prehistory*. #9(1): 99-165.

Weber A., McKenzie H.G., Beukens R., Goriunova O.I. 2005. Evaluation of radiocarbon dates

from the Middle Holocene hunter-gatherer cemetery Khuzhir-Nuge XIV, Lake Baikal, Siberia. *Journal of Archaeological Science*. #32: 1481-1500.

Weber A.}, Creaser R.A., Goriunova O.I., Haverkort C.M. 2003. Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal Siberia. 2003. Baikal Archaeology Project. Conference (1st: 2002: Banff, Alta.) Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia: Proceedings of the First Conference of the Baikal Archaeology Project / Andrzej Weber and Hugh Mackenzie, editors. Canadian Circumpolar Institute Press, University of Alberta. Pp. 133-154.

Weber A.J., Link D.W., Katzenberg M.A. 2002. Hunter-gatherer culture change and continuity in the Middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia. *Journal of Anthropological Archaeology*. #21: 230-299.

Weber A.W., Link D.W. 1998. Patterns of prehistoric procurement of seal at Lake Baikal: a zooarchaeological contribution to the study of past foraging economies in Siberia. *Journal of Anthropological Archaeology*. #25: 215-227.

Teten'kin A.V.

ELITES, HOUSPITS AND GRAVES. LOOKING FOR UNDERSTANDING THE PERSPECTIVES

I. Introduction

It is already ten years of the existence of Baikal Archaeological Project (BA Project) as the collaboration of Russian and Western archaeologists in the research of Cisbaikalian cultures of Neolithic and Bronze Age. Dr Andrzej Weber, professor of the University of Alberta (Edmonton, Canada) became the leader and initiator of this project. But it will be wrong to say in this case only about the Russian-Canadian collaboration. A. Weber was able to enlist into BA Project the broad number of specialists working not only in the University of Alberta, and not only in Canada, but also in USA and United Kingdom. In this sense, it is indeed taken place the collaboration with Western researchers. On the Russian side, there are not only the Irkutsk archaeologists, in particular the main specialists in this domain O.I. Goriunova and V.I. Baza-liiskii, but also the number of scientists from research centers in Moscow, Novosibirsk, Chita. The spectrum of specialists is also very wide. The sketching men-

tion will note not only the "direct" archaeologists, but also the ethnologists and ethnoarchaeologists, zooarchaeologists, researchers studying the theoretical archaeology, ecologists, pedologists, genetics and others. The reader can look through a current staff of BA Project members on the sight <http://www.baikal.arts.ualberta.ca>.

During these years there were completely excavated cemeteries Khuzhir-Nuge XIV, Kurma XI, almost finished the necropolis Shamanka II, some other necropolises, including Lokomotiv and Ust'-Ida, were also researched by different methods. There were also conducted the ethnographic and ethnoarchaeological expeditions to evenkies of Northwestern Transbaikalia. There were also started the studies of DNA and stable isotopes and many others. One of the necessary condition became the total radiocarbon dating of cultural complexes. For the number of specialists in Canada the Cisbaikalian archaeological materials served for their doctoral and magisterial dissertations

(H. McKenzie, M. Metcalf, A. Lieverse and others). It was published the collective monography of the current results of research (Prehistoric foragers..., 2003) and many articles in leading Russian and Western scientific journals: «Археология, этнография и антропология Евразии» (Вебер, Линк, 2001), "Journal of Archaeological Science", "Journal of Anthropological Archaeology", "Journal of World Prehistory" (Weber, 1995; Weber, Link, 1998; Weber et al., 2002; Weber et al, 2005).

One of the main importances of BA Project for Russian side is that the research of sites as the contribution to the preservation of Russian, Baikalian heritage was brought to the level of up-to-date methods. It is the unique for Russian and Siberian archaeology the precedent of such close and long-term collaboration and the exchange of experience in vary broad spectrum of scientific cognition. The situation of clash, or, to say rightly, of combination of Russian and Western approaches lead to the reflection of the theoretical, methodical, organizational and other aspects. The coming into the project of increasing number of scientists from the both sides of BAP and frontier makes the process of scientific collaboration irreversible. The question is the increase of interests of the community jointed by A. Weber and coming out the framework of "mortuary archaeology" from which the BA Project was started.

This is the current context. One of the conditions of further BA Project development is the reflection of artificially managed collective thinking. The regular coming to the position of "self-examination", i.e. reflection, should be necessary if we have the positive will of members to collaboration in the scientific cognition. The reason may be different, but in every case the reflection should have the attempt to get analysis, norms of understanding and thinking as the condition for the further common development (Щедровицкий, 2005). In this case I was provoked by A. Weber to see the archaeology of Northwestern North America as the point to further reflection of the relationships between Western (American-Canadian) archaeology, archaeology of BAP and Russian, Irkutsk archaeology. As seems to me now, the "self-examination" should consists of some aspects: (1) seeking and consideration of explanatory models and hypothesis, (2) methodology and epistemology of inferring the archaeological knowledge, verifying the models etc., (3) the certain experience, ways, cliché, stereotypes, algorithms of research interpretative

procedures, (4) estimation of the conditions of assimilation of the science experience, (5) management of scientific activity.

II. Archaeology of North-West of Northern America

In this part of paper I give the brief review of current level of the study of North-Western plateau-and-coast of Northern America. I describe the cultural-historical model of R. Carlson (1996), regional cultural-chronological schemes for Middle and Late Holocene, and explore the history of appearance of transegalitarian semi sedentary communities of fisher-hunter-gatherers specialized on salmon fishing and living in pithouses on residential sites. I observe further the proposed reasons for emergence of complex societies, in particular, the theoretical model of the evolution of transegalitarian communities of Hayden (1996). I also represent the examples of interpretation of mobility of hunter-gatherers in Binford's terms forager and collector, discussions about the role of large dwellings in social hierarchy, significance of the technology of delayed consumption, prestige items as the markers of the appearance of regional elites. I especially observe the work of Schulting (1995) devoted to the mortuary variability on North-Western Plateau and consisting the processual approach of Binford, Sax, O'Shea and others to measure the social status of engraved persons in order to using such approach in the framework of Baikal Archaeological Approach. Separately, I observe the cases of study the role of climate and ecology to the extent of population density, mobility and social organization.

III. Irkutsk Neolithic and Bronze Age Archaeology

Can we obtain any lessons from the introduction with archaeology of Holocene Northwestern Coast and Plateau and assimilate any research experience? Before the answer we should look at the current situation in Irkutsk Neolithic and Bronze Age Archaeology and its main features. I'm not going to make the exhaustive review, but I'll try to delineate some characteristics relevant to this comparative situation which is important because both two archaeologies stand besides the joint Baikal Archaeological Project.

Indeed, the Neolithic and Bronze Age archaeology of Cisbaikalia began mostly as the mortuary archaeology because of such spectacular type of archaeological objects. The first experience generalization initiated by B.E. Petri and his followers was finished by one of them A.P. Okladnikov in two numbers

of "Materialy I issledovaniia po archeologii" ("Materials and researches in archaeology") (1950; 1955). The conception of the development of Cisbaikalian Neolithic and Bronze Age established in 30-50-ies was written by him in the sense of Marxist's archaeology of that time as one claiming to the reconstruction of the all aspects of society with broad speculations involving the mass ethnographical and historical comparative material. From then such grandiose interpretations of the Cisbaikalian Neolithic - Bronze Age weren't taken not only because of the absence of need in such conceptions, but because this one was already constructed, and hence archaeologists should accept it or criticize. (Readers can see the earliest critique of the Okladnikov's model in the review ...). In general, Soviet archaeology (including Irkutsk's archaeology) went away from the "vulgar" Marxist's directive to the reconstruction of the all aspects of the life of ancient societies. The essence of negation were the raising of the criteria of scientific exactness to the inferences, rejection of the naked speculations, understanding of specifics of the archaeological source (records) and archaeological understanding and, hence, the rejection of recognizing archaeology as the history, ethnology, or sociology "armed by shovel" (Клейн, 1993). One of the stages on this path was the discussion about the "archaeological culture" as the main category of the archaeological cognition in 60-80-es (Клейн и др., 1970; Генинг, 1987; Аникович, 1989). It's important to note that as a result it was appeared the understanding which is alternative to direct links between archaeological cultures and ethnos because of the complexity of phenomena standing besides first ones. Today Irkutsk's archaeologists share the skepticism due to such direct link and understand that the sum of features consisting the archaeological cultural can represent vary different levels of social and cultural organization: from single family to economical-cultural type, and there for it could be the compression of these hierarchy.

In contrast to archaeology of Northwestern coast-n-plateau of North America in Cisbaikalia the cases of finding the graves and sites in the single context are mostly exceptions. Most of the sites of Neolithic and Bronze Age have the compression of cultural depositions in contrast to some Mesolithic sites, in particular. As a result questions of age, cultural-chronological separation in many cases remain unsolved. As the reason of such situation could be noticed the 1st terrace of rivers of Southern Cisbaikalia which finished

the phase of alluvial sedimentation, and hence the subaeral sedimentation and soil formation processes mostly due to the compression of cultural records. As the examples there could be cited alluvial Mesolithic horizons and subaeral one of Neolithic-Palaeometall on Ust'-Belaya site, and Mesolithic-Early Neolithic lower layers and subaeral compression upper ones on Ust'-Khaita site. Any kind of living structures in complexes of Neolithic-Bronze Age of Cisbaikalia didn't yet discovered (there only exceptions are few housepits recently excavated on Angarskii Most; unpublished). As the certain elements of site structure could be mentioned only hearth complexes of Ust'-Khaita, Gorelyi Les, Ulan-Khada and others, artificial pits of Popovskii Lug, "jam dish"-like pits inlaid with stone slabs on sites Gorelyi Les, Ulan-Khada, "thrifty pits" with dog graves on Ust'-Belaya site. Collections of lithic and bone remains usually consist of typically site records: kitchen and craft remnants and debris, broken and hardly used tools which hardly correlate with well established toolkits of the grave supplement. There are some problems with cultural-chronological estimation of some types of tools. Besides some ones (fishhook shanks, harpoons, characteristic polished knives and adzes) most of tools (scrapers, burins, arrow points, cores et al.) appeared undiagnostic. At the best, we can tell, for example, about single "Kitoi-like" items. On the other hand, the mass and diagnostic material is the potterybased on which there were delineated "ceramic stratum" ("plast") (Савельев, 1989). Mortuary archaeology, to simply say, doesn't consist such diversity in pottery. As the result, in Cisbaikalia there were developed two distinct archaeologies - settlement and mortuary ones. Certainly, it's obvious the necessity to link their both with each other, but based on the recent level of knowledge it couldn't be sad about any sites belong to the people sharing the Kitoi burial tradition, for example. Both settlement and mortuary archaeologies have unsolved questions. So, it's not certainly clear the chronology of Ust'-Belaia and Posol'sk-type potteries. It should be added also that researches of settlement-ceramic complexes give the opportunity to make hypothesis about cultural migrations In the frame of Yenisei, Cisbaikalia, Transbaikalia, Lena Valley Areas, essentially, independently of mortuary archaeology. Here I could refer to the conclusion of N.A. Savelev in his PhD dissertation about Enisei origin of Neolithic (Савельев, 1989). Based on the settlement data, especially the ceramic typology, there were con-

structured cultural-chronological schemes for Southern Cisbaikalia (Савельев, 1989) and Upper Lena Basin (Зубков, 1982). In mortuary archaeology there were conducted the revisions of the Kitoi culture to the earlier age (Мамонова, Сулержицкий, 1989) and the whole scheme due to the territorial-chronological localization of burial traditions, and the delineating their local variants (Базалийский, 2005). There were appeared several new schemes of the existing of burial traditions in the Bronze - Early Iron Ages and further Medieval Age (Горюнова, 1992, 1996, 1997, 2002; Горюнова, Новиков, 2000; Харинский, 2001). As the result the return to the scheme "Kitoi culture versus Serovo-Glaskovo culture" represents the serious simplification of the achieved level of knowledge. In spite of all this it appeared that A.P. Okladnikov was the last Soviet archaeologist (excepted his direct adepts) who examined the social inequalities in Kitoi and Glazkovo cultures. The current Irkutsk interpretational schemes look like cultural-chronological ones demonstrating the regional and local features of the evolution of material (archaeologized) part of culture as detail as it possible. The best example are the schemes of Baikalian Middle and Upper Mesolithic development made by O.I. Goriunova and her schemes of Mesolithic and Bronze Age of the same region (Горюнова, 1990, 2000, Goriunova, 2003).

The other important distinction between Irkutsk Neolithic and Bronze Age and archaeology of North-western coast-n-plateau of North America is the absence of close relations to the local ethnography. It could be explained by the recognition of the complete replacement of the population in the South of Middle Siberia occurred more the once. Based on the anthropological data, it was, at least, twice: after Kitoi-peoples and after peoples of Bronze Age. Based on the historic data, for example, Buriats were formed as the ethnos on the end of Medieval Age, close before the appearance of first Russians, and much because of their appearance. That's why in our case archaeologist far away from the idea to share Buriats attitudes (for example Olkhon's Buriat) to Bronze and Early Age necropolis as the graves of their direct ancestors. The second reason is the lack of any ethnographic and theoretical ethnologic-sociologic models which could be used in the interpretation of archaeological data. The great role play the understandings of specifics of archaeological object as the source established in conceptions of double break (from writing history and from functional recognition in ethnography:

Клейн, 1978; 2003) and "thresholds of recognizing" (Медведев, Волосова, 1993; Волосова, 1994). In general, the remoteness of archaeological objects from our days plays the destroying role in attempts of using ethnographical analogies. For example, if we tell about Kitoi people, they were still 7-6 thousand years ago. The reason to avoid such research is the unwillingness to be responsible for speculative conclusions. Hence there is the absence of demand for analogies inferred from ethnography.

IV. Baikal Archaeological Project (Conclusion)

Let we look again at Baikal Archaeological Project, the A.Weber's creation. His model of the history of population in Cisbaikalia in Neolithic - Early Bronze Age was published in many articles (for example: Вебер, Линк, 2001). It could be possible here to address readers to the most complete its presentation in collaborative monograph «Prehistoric Foragers of the Cis-Baikal, Siberia» (2003) edited by Andrzej Weber and Hugh Mackenzie. Because it may be nevertheless unknown to readers unfamiliar to our subjects, I'll sketch it in common features.

The Early Neolithic is characterized in Cisbaikalia by Kitoi communities which were autochthonic (aboriginal), because Early Kitoi people belong to Late Mesolithic. This communities had established (complex) social organization, some form of social inequality, complex burial ceremony, well developed art and semi-residential strategy. The fishing played important role in economy. The interregional mobility of Kitoi people in frame of Upper Angara basin - Upper Lena basin - Western Baikal was low, and probably their communities were endogamous and hadn't the regular contacts with each other. This complex type of social organization became the reason for their physiologic trouble, many diseases, food stresses and high infant and female mortality. As a result they disappeared in historical scene. Hence it became the hiatus (6800-5800 BP), i.e. the interruption in peopling the Region, or, probably, we can't catch very subtle records of people occupation. After several centuries the new population named "Serovo-Glazkovo people" appeared in Cisbaikalia. This double name reflects the combination of two delineated by A. P. Okladnikov cultures, where Serovo-people represent the Early Period, i.e. Developed or Late Neolithic, and Glazkovo-people represent the development of the same population in Early Bronze Age. Anthropologically their were completely different from Kitoi-peo-

pie, as it was shown yet by M.M. Gerasimov (1954). Their represent another survival strategy. There were egalitarian, general communities of hunter-gatherers living in small groups, more mobile, probable, due to matrimonial exogamous. The fishing was essentially less important in their subsistence. Hunting played the dominant role, and on the Lake Baikal it began the seal (nerpa) hunting. Based on the more simple (general) social organization and higher mobility this population was more adaptive to the occupied niche in Cibaikalia then Kitoi-people. In the late part of Serovo-Glazkovo Phase the population increased and societies became again more complex.

The first phase of project was focused on the study of the necropolis. Beginning from the last 2006 field season the research focus was moved onto the settlement archaeology. In the framework of the Project there were started the studies of stable isotopes and DNA (Katzenberg, Weber, 1999; Weber et al, 2003; Schurr, 2003; Mooder et al, 2003), which can certainly shed the light onto the mobility, diet, kindred relations and, in sum, the subsistence strategies. To thus moment, the perspectives of such studies are obvious, but their current level indicates that this pioneer (preliminary) results couldn't sufficiently support or deny the working model. It's clear only that this researches should be continued. Also H. McKenzie (2006) and M. Metcalf (2006) tried to explain the mortuary variability of Glazkovo cemeteries in Ol'khon Area (Midwestern Baikal Area) by using the principle of the direct correlation between social status and the complexity and variability of grave organization. As the result their demonstrated, at least, that the complexity and variability of mortuary practice became essentially higher, and due to this reason Glazkovo-people should be opposite to the Serovo-ones.

The acquaintance with scientific literature shed the light to the logic and character of scientific inferences of our Canadian colleagues. The interpretations in terms of society's evolution, emergence of social inequality, mobility, elites with their owning the territory and sources, hiatuses are quite typical for American (American-Canadian) archaeology. (To the point, in the conference "Pleistocene Human Colonization of Arctic and Subarctic Siberia and Beringia" on November 2006 in Texas A&M University I saw that our American colleagues find at least two hiatuses in the Upper Paleolithic of Enisey Valley and Transbaikalia). It's important to understand that A. Weber came to Cisbaikalia with already ready-made

model, at least, because of two reasons. The first one is its necessity in the organizational sense: the perspectives to derive the financial support from Western scientific funds without any ambitious model could be only insignificant, and the scientific management and planning (i.e. the recruiting of the scientists to the team and the framing their research fields) in this case could be able only under the framework of such working hypothesis in order to verify it. And in this case it is claimed, of course. Secondly, I believe that this is the typical for Western archaeology approach when the scientist begins his work with data already heaving the working hypothesis. The research consists, in point of fact, of verifying and corroboration of this model.

To Irkutsk archaeologist the idea of this Project looks, certainly, ambitious because of due to solve such tusks (social inequality, functional and social semantic of burial tradition, ethnos history etc.) they became nonplus or put its answers to the uncertain perspective. The ambitiousness of goals of A. Weber and his colleagues may be compared in Soviet scientific history with the Marxist's archaeology of 30-50-es of last century. It is no coincidence that A. P. Okladnikov remains the most cited author in the BA Project. I note here that such likeness between recent Western archaeology (New Archaeology, in particular) and Soviet one of 30-50-es was observed both by Russian and Western researchers (Гуляев, 1990; McGuire, 1992). The question is that after A.P. Okladnikov Irkutsk archaeologists went away from this tusks due to the understanding the absence of well-established scientific means for responsible making the knowledge. They went away because the working in own archaeological approach (paradigma) of delineating features - types - archaeological cultures/traditions/industries/plasts (stratum). The important role was played by the understanding of limitations of our own discipline, in which archaeologists must do their own part - source-knowledge, and the "upper levels" of interpretation are the goals for the historians of Prehistory society. This point of view was better represented by the L.S. Klejn's concept of "echeloned archaeology" (ссылка). But it isn't still clear, where are these "Prehistory historians"? After A.P. Okladnikov Irkutsk archaeologists went away from this themes, but it does not mean that dealing with the same problems our colleagues will "come to the same nonplus". At first, American archaeology is better supported by explanatory models because of in

contrast of Russian archaeology of Stone and Bronze Age of recent decades Western archaeologists were essentially more collaborative with ethnography, ethnology and general social anthropology, there are no any certain subject or organizational demarcations! And the modern technique of archaeological research is already quite another. At second, the study in the project is the goal to examination and filling by data the namely this model by group of scientists directed toward success.

Being away from Baikal Archaeological Project now and taking into account itself the approach of using the working hypothesis I'd like to note any typical methodological mistakes which I found seeing the literature. Having the ready-made interpretative model as the working hypothesis the researcher is already indeed taking the risk to be preconceived in paying attention only to the complimentary data. Coming with the ready-made working hypothesis to the new research field the researcher verifies it by seeking among the whole database such facts which fit enough to the model. The verb "to fit" using in this case is also usually used in stores during the trying on clothes: do they fit or not. And if everything fit enough, and if there were found such arguments you can hold that your work was successful. The weak spots in this approach are that we take the risk to make mistakes by wringing distinct data from their context, that we are limited by the goal to support (fill by the data), that sometimes the work with working hypothesis doesn't assume the complete characterization of touched objects, that the work with working hypothesis doesn't assume the procedure of choose between possible interpretational models. I suppose we should keep in the mind such "weak spots" developing further our collaboration.

For example, it could be frequently noticed that researchers take any principle, which as an aspect indeed is existed and plays some role in the culture and society organization, and further considering it as the key principle work only with this one aspect trying to find the explanation for the whole object. For instance, the length and usage of end scraper are discussed as the presentation of the group mobility (Blades, 2003); expedient and curated tools - as the marker of survival strategy of Neanderthals and Modern people (Riel-Salvatore et al., 2004). These ideas themselves are not wrong and able to explain something in their context, but not in the retrospective of social evolution. There is another rather like

example. People in universities in Canada and USA drink coffee by the cardboard cups (glasses) and eat by plastic fork. In Russia we usually drink coffee by porcelain cups. So, let us wring from the context the curated Russian porcelain and the expedient American cardboard cups (glasses) and explain by them alone the mobility of both our societies and the tendencies of social development!? And let us put them into the standard statistical mathematical model. Will it be such constructed that will take into account the social-cultural organization of societies which we are still going to research? Another example: we could be agree that if the social inequality is it should be expressed in the mortuary behavior (Binford and others) and socially organized landscape (Bourdieu). But can we be sure that this single principle could be enough to explain the whole complexity of burial traditions of Glazkovo-time, in particular? Shall not we be violent by trying to put the data to this narrow scheme? As the opposite argument it could be proposed the study of K. Levi-Strouss devoted to the totemism (ссылка), in which he demonstrated that this is the more complex phenomenon then the only marking the territory, historical memory, and power legitimating. And we should talk about the existence of the structurally formed number of completely different mythological, political, genealogical and other aspects of consciousness hardly correlated with each other and simultaneously affected to the totemism's phenomenon.

Our Russian specific of the collaboration in the BA Project can be expressed in the question: what will remain after we completely dig out the whole necropolises, after the social machine called "Baikal Archaeological Project" exhaust them due to its own scientific interests? Russian, and Siberian, and Irkutsk's, in particular, archaeologists have always understood that they deal with the national cultural heritage. That's naturally enough. Archaeology itself can be understood as the discipline destroying the sites in order to better their knowledge and hence the preservation of the memory of them. That is why the goal to maximize the research procedures with objects, to maximize by this the scientific semiosis (giving to the excavated material the scientific interpretation) will always be the imperative for the scientific activity for archaeologists. It is indeed another approach (run) - from the object, not from hypothesis, and the our Russian specific in this project: the collaboration in-

crease our opportunities for research and characteristic the excavated objects of archaeology.

Returning to the potential of international collaboration and experience of archaeology of American-Canadian Coast-n-plateau we should point to the positive experience of many special approaches, methods of deciding the research objectives. Of the very interest the studies of stable isotopes and DNA started in this project. It is especially true because in the Cisbaikalian Neolithic and Bronze Age we can raise the similar questions. For example, what could be sad about the cultural and social organization of "Kitoi-people" and "Glazkovo-people" (these questions are already in the BA Project) besides it is indeed complex due to the mortuary traditions? Can we characterize in terms of prestige some artifacts, for example, the long-distance import (light Vitim nephrite artifacts, khunnu's belt pendant, items of the Skythian-Siberian stile, buried hiddens)? What can we say about the duration and volume of human activity on the sites and hence the mobility of occupants? What kind of role in the diet played each type of food resource, for example, fish and seal?

Form my point of view, at first, the current our culture-typological paradigm (or approach) is not adequate and doesn't give us enough theoretical means for work in this direction including the assimilation of the results of special studies in the framework of BA Project. At the best it could be continued the type-list of, for example, Late Neolithic by the enumeration any new data such as the fishing and seal hunting. And it is not clear where should we "put", for example, the results of DNA research. It is obvious that the scrapers and stable isotopes taking into account together need themselves for any special explanatory schemes which the culture-typological approach has not (see, for example, Тетенькин, 20026). Looking for the experience of other humanitarian science it should be noticed that both psychology and semiotic experienced the difficulties in their development while the were not the necessary subject conceptions, i.e. ontological schemes, set of definitions, methodology and other (Щедровицкий, 1975: 147; 2005: 87-217,391-420).

At second, we should realize that the archaeology is the discipline dealing with the complex process of cognition. Its inferences (knowledge) and methods have different epistemological limits, modalities of the judgment, and they are different in the degree of the validity and supporting by data, and we have a

deal with them all. We should realize that this process of cognition has many aspects and phases of the cognition procedures and inferences. And also every type of objects has its own informative specifics due to which any aspects will remain speculative. For example, how affect to our cognition possibilities the sign nature of mortuary ritual tradition? What kinds of specific have the criteria of inferences in every phase of construction of scientific knowledge? How can we methodologically and logically competently work with several alternative interpretative models simultaneously?

I suppose, before the comparing with the current interpretive models our own material (or the fitting it to the models) and hence giving him the functional interpretation, it should be constructed (grown) on the ground of data its own model which further could be compared, not the initial data. That's like we answer not to the question "was here the kill-site or the residence camp?", but to the question "with what kind of recent patterns closes the our own model?" which we constructed being not limited by any idea of kill-site or residence camp, foragers or collectors, standing on the point of what we really have. Of coarse, such knowledge is constructed from the ontological schemes of ideal object which form the meaning entity for our inference and be the ground for the attribution and address of the concrete archaeological material. The knowledge-model has, there for, the double-level structure: (1) ontological scheme, (2) the concrete material as its filling (Тетенькин, 20026; Тетенькин, Инешин, 2003; Инешин и др., 2004). Where should we take these schemes? In general, they should be the formalized theoretical understandings invariant for every concrete object, and in this sense, most reduced, generalized and abstract. They should be "taken" during the theoretical work under the whole corps of the theoretical and applied knowledge in the subject domain, and under the semantic uncertain understandings which unreflective has every (!) archaeologist. Here I believe is the perspective of collaboration! What kind of advantage has this approach? The cells of this scheme initially speculative, i.e. unfilled by the certain data, during the research become filling by the contents (the method of "coming from abstract to concrete"). The degree of their speculations decreases, but, obviously, will never completely disappeared because of we work with the archaeologized remains, not with the living object. How can we address to the cells of our scheme-model (scheme-

configurator, after Г.П. Щедровицкий (1984)) our obtained archaeological data? We should do it by using the current scientific methods allow us to say that this is the scraper, and that is, at least, the some kind of tool, i.e. to give the functional definition. And here the every collaboration and every effort directed to the getting information as complete as it possible by the methods of modern science will be demand. Some ways in solving the certain goals of the diagnostic of data may be standard. The experience of their use and the adoption of algorithms of decision may be useful. But, I'll note again that on this phase researcher have to work being not limited by any aim to corroborate or reject the idea of kill-site or any other. And, what is important, from my point of view, every new data will add this model which is unsinkable in this its part. The knowledge on this stage has the character of sintagmatic construction (Тетенькин, Инешин, 2003; Инешин, и др., 2004). Vulnerable in the light of new evidences may be only the procedures of the functional definition of the model, i.e. the comparing what is resulted with the having (current) precedents. This is the next stage of paradigmization of the knowledge (Тетенькин, Инешин, 2003). (Here we work like the paleopedologists, climatologists or paleoecologists). If something is wrong we can return to the previous stage and continue to construct our knowledge by adding these new evidences.

Further, I suppose, it should be elaborated such ontological scheme for the "community - cemetery, and site" object and began the building of the knowledge-model inferred from the study of the whole sum of archaeological data. This model further can be

compared with the final interpretive models in order to assume the meaning of one of them. The presence of such "grown" model allows us to assimilate certain studies including ones conducted in the framework of project. Achieving these goals we should take the course to the systematic, structural and processual (that's necessary from the point of the culture of scientific cognition) sociologic (or anthropologic, in Western mean) approach.

What is the principal in this approach is the possibility of choice between the interpretative models deduced from ethnology, sociology and archaeology. As an example, I give such situation when paleoecologists or paleopedologists having their own work under the certain material in order to characterize their knowledge begin to look for landscape-climatic analogies between modern types. If as analogue will be proposed the only one type this situation has a less chance to be satisfactory.

For the working hypothesis of Baikal Archaeological Project the using of these research procedures, indeed, is the verification and the grounding on the stable "scientific foundation".

Acknowledgments

In conclusion I want to thank for the perfect opportunity to work at the University of Alberta (Edmonton, Canada) and for the help the head of Baikal Archaeological Project professor Andrzej Weber and also Tat'ana Nomokonova, Andrea Hiob, Robert Losey. Thank you so much! Without your friendly support and help this work wouldn't be occurred.